

Салли Хэпворс

МОЯ ЛЮБИМАЯ СВЕКРОВЬ

«Мастерское изображение
того, сколько сказано в молчании.
Лучший выбор для поклонников
Лианы Мориарти и Меган Эбботт».

Booklist

ГОТОВИТСЯ ЭКРАНИЗАЦИЯ

Салли Хэпворс
Моя любимая свекровь
Серия «Очаровательная
ложь. Тайны моих соседей»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49575990
Моя любимая свекровь: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-106794-6

Аннотация

Отношения свекрови и невестки – такая же вечная тема, как противостояние отцов и детей. Семейная драма Салли Хэпворс – блистательный микс семейной драмы и экшена.

С первой минуты знакомства Диана держала невесту своего сына Люси на расстоянии вытянутой руки. Это было незаметно, но Люси чувствовала, что не пришлось ко двору, и изо всех сил пыталась завоевать расположение свекрови, мечтая обрести в ее лице давно умершую мать и доброго друга. И каждый раз натыкалась на холодную стену равнодушия.

Так было десять лет назад. Теперь же Диана найдена мертвой в собственном доме. Предсмертная записка гласит, что она устала бороться с раком, но вскрытие обнаружило следы насильственной смерти. Кто и за что мог убить Диану?

Содержание

1	5
2	13
3	33
4	41
5	53
6	58
7	72
8	77
9	83
10	88
11	95
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Салли Хэпворс

Моя любимая свекровь

Sally Hepworth

THE MOTHER-IN-LAW

© Комаринец А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Моей свекрови Энн, которую мне никогда не хотелось убить. И моему свекру Питеру, которого – время от времени – убить хотелось.

ЛЮСИ**НАСТОЯЩЕЕ...**

Стоя у обеденного стола, я складываю постиранное, когда подъезжает полицейская машина. Подъезжает без особого шума – ни сирен, ни мигалок, и все равно у меня начинает сосать под ложечкой, – так мать-природа предупреждает, что не все в порядке. Ранний вечер, но уже собираются сумерки, и на соседской веранде загораются огни. Время ужина. Полиция не объявляется у вас на пороге в такое время, если случилось что-то дурное. Я заглядываю через арку в гостиную, где мои ленивые дети развалились тут и там, каждый уткнулся в собственный гаджет. Живые. Невредимые. В добром здравии, если не считать, пожалуй, легкой экранной зависимости. Семилетний Арчи смотрит на большом айпаде, как некая семья играет в приставку; четырехлетняя Харриет на своем маленьком айпаде – как маленькие девочки в Америке разворачивают игрушки. Даже двухлетняя Эди, разинув рот, смотрит телевизор. Я испытываю некоторое облегчение, что вся моя семья под одной крышей. По крайней мере, большая ее часть. «Папа! – вдруг думаю я. – Ох, нет, пожалуйста, только не папа!»

Я перевожу взгляд на полицейскую машину. Свет фар пробивается сквозь легкую морось.

«По крайней мере, это не дети, – виновато шепчет мне внутренний голос. – По крайней мере, это не Олли».

Олли на задней веранде жарит гамбургеры. В безопасности. Сегодня он рано вернулся с работы, по-видимому, не очень хорошо себя чувствует, хотя и не выглядит особенно больным. В любом случае он жив, и я от всего сердца благодарна ему за это.

Дождь немного усилился, морось превратилась в четкие капли. Полицейские глушат мотор, но не вылезают сразу. Я скатываю пару носков Олли и кладу их поверх стопки его белья, а затем тянусь за следующей парой. Мне бы надо встать, подойти к двери, но руки продолжают складывать на автопилоте, как будто, если я буду вести себя так, словно ничего не случилось, полицейская машина перестанет существовать и все снова будет хорошо. Но это не срабатывает. Дверца со стороны водителя открывается, из машины вылезает полицейский в форме.

– Ма-а-а-ам! – кричит Харриет. – Эди смотрит телевизор!

Две недели назад известная журналистка публично высказалась о том, какое отвращение у нее вызывает то, что дети в возрасте до трех лет подвергаются воздействию телевидения, она даже до того дошла, что назвала это «жестоким обращением с детьми». Как и большинство австралийских матерей, я пришла в ярость и разразилась предсказуемой обличительной речью: «Да что она знает? У нее, наверное, целая команда нянь, и она ни одного дня в жизни за детьми не при-

смастривала!», но потом стремительно ввела правило «никого телевизора для Эди», которое продержалось ровно до того момента двадцать минут назад, когда мне надо было поговорить по телефону с компанией – поставщиком электроэнергии, а Эди прибегла к своему старому трюку «Мама, ма-а-а-ама, МА-А-АМА», так что я сдалась, включила ей серию «Уигглз» и ушла в спальню, чтобы закончить телефонный разговор.

– Все в порядке, Харриет, – говорю я, не отрывая глаз от окна.

Передо мной появляется сердитое личико Харриет, ее темно-каштановые вихры и густая челка развеваются вокруг лица, как нити у швабры.

– Но ты же СКАЗАЛА...

– Не важно, что я сказала. Несколько минут погоды не сделают.

Копу на вид лет двадцать пять, в лучшем случае тридцать. Фуражку он держит в руке, но сует ее под мышку, чтобы подернуть спереди слишком тесные брюки. Невысокая, полная полицейская того же возраста выбирается со стороны пассажирского сиденья, ее фуражка точно прилипла к голове. Обойдя машину, они бок о бок идут по дорожке. Они точно идут к нам. «Нетти, – внезапно думаю я. – Это насчет Нетти».

Такое вполне возможно. У сестры Олли в последнее время были проблемы со здоровьем. Или, может, это Патрик?

Или это что-то совсем другое?

Суть в том, что в глубине души я знаю, что это не Нетти, не Патрик и не папа. Забавно, но иногда просто знаешь.

– Бургеры готовы.

Со скрежетом открывается дверь с веранды, и на пороге появляется Олли с полной тарелкой. Девочки бросаются к нему, а он щелкает огромными щипцами, как крокодил челюстями, они подпрыгивают и визжат так громко, что почти заглушают стук в дверь.

Почти.

– Там кто-то пришел? – Олли поднимает бровь скорее с любопытством, чем с беспокойством. На самом деле он выглядит оживленным: «Нежданный гость в будний вечер! Кто бы это мог быть?»

Из нас двоих общительный как раз Олли. Это он добровольно вызвался войти в школьный родительский комитет, потому что «это хороший способ познакомиться с людьми». Это он останавливается у забора, чтобы поздороваться с соседями, если слышит, как они разговаривают в саду. Это он подходит к людям, которые выглядят смутно знакомыми, и пытается выяснить, знают ли они друг друга. Легкий на улыбку и на подъем. Для Олли неожиданный стук в дверь в будний день предвещает скорее приключение, чем что-то зловещее.

Но, конечно же, он не видел полицейскую машину.

Эди уже мчится по коридору.

– Я открою, я открою.

– Погоди-ка, Эди-букашка, – говорит Олли, ища, куда бы поставить тарелку с гамбургерами. Однако он недостаточно быстр, потому что к тому времени, когда он находит место на стойке, Эди уже распахивает дверь.

– Полиция! – благоговейно восклицает она.

Разумеется, как раз тут мне полагается побежать за ней, перехватить полицейских у двери и извиниться, но мои ноги словно приросли к полу. К счастью, Олли уже нагнал трусой Эди и игриво ерошит ей волосы.

– Привет, – говорит он копам.

Он оглядывается через плечо на гостиную, его мысли заняты тем, что он делал несколько секунд назад, возможно, он думает, не забыл ли он перекрыть газ под жаровней или надежно ли поставил на стойку тарелку с бургерами. Это типичное неприятязательное поведение человека, который вот-вот получит плохие новости. У меня взаправду такое чувство, будто я вижу мою семью в телевизоре: красивый, ни о чем не подозревающий папа, милая малышка. Обычная семья из пригорода, жизнь которой вот-вот поставят с ног на голову... разрушат навсегда.

– Чем могу быть полезен? – наконец произносит Олли, снова переводя взгляд на копов.

– Я старший констебль Артур, – слышу я женский голос, хотя с моего места у стола мне ее не видно, – а это констебль Перкинс. Вы Оливер Гудвин?

– Так и есть.

Олли улыбается Эди и даже подмигивает ей. Этого достаточно, чтобы убедить меня, что я слишком драматизирую. Даже если новости плохие, то, может быть, не совсем уж ужасные. Может, они вообще не для нас плохие. Может, ограбили кого-то из соседей? Полиция всегда прочесывает местность после чего-то подобного, так ведь?

Внезапно я ловлю себя на том, что с нетерпением жду того момента, который наступит через несколько минут, когда я узнаю, что все в порядке. Я думаю о том, как мы с Олли посмеемся над моей паранойей. «Ты не поверишь, что мне пришло в голову», – скажу ему я, а он закатит глаза и улыбнется. «Вечно ты волнуешься, – скажет он. – Как ты вообще справляешься со своей тревожностью?»

Но когда я осторожно делаю несколько шагов вперед, то понимаю, что мои опасения не напрасны. Я вижу это по мрачному выражению лица полицейского, по тому, как опущены у него уголки рта.

Женщина-полицейский смотрит на Эди, потом снова переводит взгляд на Олли.

– Мы можем где-нибудь поговорить... без свидетелей?

На лице Олли появляются первые признаки неуверенности. Его плечи напрягаются, и он чуток выпрямляется. Возможно, это получается бессознательно, но он отталкивает Эди от двери, словно заслоняет ее от чего-то.

– Эй, Эди-букашка, хочешь поставлю тебе «Уигглз»? – го-

ворю я наконец, делая большой шаг вперед.

Эди решительно мотает головой, не сводя глаз с полицейских. Ее мягкое круглое лицо светится интересом, ее толстые шаткие ножки точно вросли в пол.

– Ну же, милая, – снова пытаюсь я, проводя рукой по ее бледно-золотистым волосикам. – Как насчет мороженого?

Вот это уже дилемма для Эди. Она смотрит на меня долгим взглядом, прикидывая, можно ли мне доверять. Я кричу Арчи, чтобы он достал «Пэддл попс», и она убегает по коридору.

– Входите, – говорит Олли полицейским, и они входят, бросая мне быструю вежливую улыбку. Улыбку, которая словно бы извиняется. Улыбка, которая пронзает мне сердце, выбивает меня из колеи. Дело не в соседях, говорит эта улыбка. Плохие новости для вас.

В нашем доме не так много мест, где можно уединиться, поэтому Олли ведет полицию в столовую и отодвигает от стола пару стульев. Подойдя следом, я смахиваю свежесложенное белье в корзину. Стопки обваливаются друг на друга, как рушащиеся здания. Полицейские садятся на стулья, Олли пристраивается на подлокотнике дивана, а я остаюсь напряженно стоять. Я вся внутренне подбираюсь.

– Во-первых, я должен удостовериться, что вы являетесь родственниками Дианы Гудвин...

– Да, – отзывается Олли, – это моя мать.

– Тогда с прискорбием должна вам сообщить, – начинает

женщина, и я закрываю глаза, потому что уже знаю, что она собирается сказать.

Моя свекровь мертва.

ЛЮСИ**ДЕСЯТЬЮ ГОДАМИ РАНЕЕ...**

Кто-то однажды сказал мне, что в жизни каждого есть две семьи: та, в которой ты родился, и та, которую себе выбрал. Но это же не совсем так, верно? Да, возможно, тебе дано выбрать себе партнера, но детей-то себе не выбираешь. Не выбираешь себе деверей или золовок, не выбираешь незамужнюю тетку своего партнера, у которой проблема с алкоголем, или кузена с бесконечной чередой подружек, которые не говорят по-английски. И, что еще важнее, не выбираешь себе свекровь. Тут все определяют мерзко хихикающие вершительницы судеб.

– Эй? – окликает Олли. – Есть кто дома?

Я на пороге зияющего фойе дома Гудвинов и шурюсь на мрамор, простирающийся во всех направлениях. Винтовая лестница под великолепной хрустальной люстрой ведет с первого на второй этаж. У меня такое чувство, будто я попала на разворот журнала *Hello!*, из тех, где печатают нелепые фотографии знаменитостей, развалившихся на вычурной мебели или на поросших травой холмах в сапогах для верховой езды и с золотистыми ретриверами у ног. Я всегда думала, что именно так выглядит изнутри Букингемский дворец, ну или не Букингемский, то какой-нибудь поменьше-

ше, Сент-Джеймский или Виндзорский. Я пытаюсь поймать взгляд Олли, чтобы... что? Одернуть его? Развеселить? Честно говоря, я не уверена, но в любом случае момент упущен, потому что он уже ринулся в дом, объявляя о нашем прибытии. Сказать, что я к этому не готова, – преуменьшение века. Когда Олли предложил мне прийти к его родителям на ужин, я представляла себе лазанью и салат в симпатичном бунгало из светлого кирпича – в таком доме я сама выросла. Я представляла себе обожающую мать, прижимающую к груди альбом с выцветшими детскими фотографиями, и бесцеремонно гордого, но неловкого в общении отца, сжимающего банку пива и осторожно улыбающегося. Вместо этого кругом сверкают и сияют картины и скульптуры, а родителей, неловких в общении или наоборот, нигде не видно.

– Олли!

Я хватаю Олли за локоть и собираюсь что-то яростно прошептать, но тут в большом арочном дверном проеме в задней части вестибюля возникает краснолицый толстяк с бокалом красного вина в руке.

– Папа! – кричит Олли. – Вот ты где!

– Ну и ну. Только посмотрите, кого кот притащил.

Том Гудвин – полная противоположность своему высокому темноволосому сыну. Невысокий, тучный и нескладный, в красной клетчатой рубашке, заправленной в брюки, подпоясанные ниже внушительного живота. Он обнимает сына, а Олли хлопает своего старика по спине.

– Ты, должно быть, Люси, – говорит Том, отпустив Олли. Он берет мою руку и сердечно ее пожимает, потом издает негромкий свист. – Ну надо же! Молодец, сынок.

– Приятно познакомиться, мистер Гудвин. – Я улыбаюсь.

– Том! Зови меня Том. – Он улыбается мне так, словно выиграл в Пасхальную лотерею, а потом, кажется, вспоминает кое-что. – Диана! Диана, где ты? Они здесь!

Через пару секунд из задней части дома появляется мать Олли. На ней белая рубашка и темно-синие брюки, и она стряхивает с рубашки несуществующие крошки. Я вдруг задумываюсь о своем выборе наряда: длинное пышное платье в красно-белый горошек 1950-х годов, которое когда-то принадлежало моей матери. Я думала, платье будет смотреться очаровательно, но теперь оно кажется неуместным и глупым, особенно учитывая простой и скромный наряд мамы Олли.

– Извини, – говорит она с расстояния в несколько шагов. – Я не слышала звонок в дверь.

– Это Люси, – объясняет Том.

Диана протягивает руку. Когда я собираюсь ее взять, то замечаю, что она почти на голову выше мужа, несмотря на туфли без каблука, и худая, как фонарный столб, если не считать небольшого утолщения в талии, как свойственно немолодым людям. У нее серебристые волосы, подстриженные в элегантное каре до подбородка, прямой римский нос и, в отличие от Тома, сильное сходство с сыном.

А еще я замечаю, что рукопожатие у нее холодное.

– Приятно познакомиться, миссис Гудвин, – говорю я, отпуская ее руку и протягивая букет.

Я настояла на том, чтобы по дороге заехать в цветочный магазин, хотя Олли сказал: «Она не слишком-то жалуется цветы». «Все женщины любят цветы», – ответила я, закатив глаза.

Но сейчас, когда я замечаю отсутствие украшений, некрашенные ногти и практичные туфли без каблука, у меня возникает ощущение, что я ошиблась.

– Привет, мама, – говорит Олли, заключая маму в медвежьих объятия, и она с грехом пополам ему позволяет.

Из многочисленных разговоров с Олли я знаю, что он обожает свою мать. Он буквально лопается от гордости, когда говорит о благотворительной работе, которую она в одиночку ведет среди мигранток в Австралии, многие из которых беременны или имеют маленьких детей. Ну – конечно, она решит, что цветы это ерунда, внезапно понимаю я. Я идиотка. Возможно, мне следовало бы привезти одежду для грудничков или что-то для их матерей?

– Ладно, Олли, хватит, – говорит она через пару секунд, когда он не отпускает ее. – Она выпрямляется во весь рост. – У меня даже не было возможности как следует поздороваться с Люси!

– Почему бы нам не пойти в гостиную выпить, и мы все познакомимся поближе, – предлагает Том, и мы все поворачиваемся к задней части дома.

И тут я замечаю, как кто-то выглядывает из-за угла.

– Нетти! – восклицает Олли.

Если между Олли и Томом нет сходства, то Антуанетта, несомненно, дочь Тома. У нее те же румянец на щеках и коренастость, но при этом она очень хорошенькая. А еще стильная в сером шерстяном платье и черных замшевых сапогах. По словам Олли, его младшая сестра замужем, бездетна и работает в какой-то маркетинговой компании, и ее часто приглашают выступить на конференциях о том, чего способна добиться женщина. Ей тридцать два года, всего на два года больше, чем мне, и признаюсь, мне это казалось впечатляющим и немного пугающим, но все мои страхи растворились, когда она радостно меня обняла. Все Гудвины, похоже, любят обниматься.

Возможно, все, кроме Дианы.

– Я так много о тебе слышала, – говорит Нетти. Она берет меня под руку, обволакивая меня облаком дорогих духов. – Пошли, познакомишься с моим мужем Патриком.

Нетти тащит меня через арочный дверной проем, мимо того, что выглядит как лифт. По дороге мы проходим мимо картин в рамках и цветочных композиций, а еще фотографий семьи на отдыхе – на горнолыжных склонах и на пляже. Есть одна фотография Тома, Дианы, Нетти и Олли на верблюдах в пустыне с пирамидой на заднем плане, они держатся за руки, а свободные поднимают к небу.

Когда я была маленькой, мы проводили отпуск в курорт-

ном городке Портарлингтоне – в часе езды от нашего дома.

Мы оказываемся в комнате размером примерно с мою квартиру, заставленной диванами и креслами и тяжелыми деревянными приставными столиками, а еще повсюду огромные дорогие ковры. Из кресла поднимается гигант.

– Патрик, – представляется он.

Рукопожатие у него липкое, но вид у него извиняющийся, поэтому я делаю вид, что не замечаю.

– Люси. Приятно познакомиться.

Возможно, я представляла мужа Нетти невысоким, эlegantным, стремящимся угодить, как она. Я считала, что Олли с его ростом в шесть футов три дюйма – высокий, но Патрик определенно похож на гору – шесть футов семь дюймов, не меньше. Если не считать роста, он немного напоминает мне Тома: клетчатая рубашка и хлопчатые брюки, круглое лицо и энергичная улыбка. На плечи он набросил свитер крупной вязки, в модном студенческом духе.

Покончив с приветствиями, Олли, Том и Патрик утопают в подушках большого дивана, а Диана и Нетти направляются к... барной стойке! Мгновение я колеблюсь, потом иду следом за женщинами.

– Садись, Люси, – приказывает мне Диана.

– О, я рада помочь...

Но Диана поднимает руку, чтобы меня остановить.

– Пожалуйста, – говорит она. – Просто садись.

Диана, очевидно, пытается быть вежливой, но я неволь-

но чувствую себя отвергнутой. Конечно, откуда ей знать, что я фантазировала о том, как мы будем соприкасаться локтями на кухне, возможно, даже столкнемся с небольшим салатным кризисом, который я легко преодолею, сымпровизировав заправку (салат – это предел моих кулинарных способностей). Откуда ей знать, что я представляла, как мы уютно пристроимся бок о бок, пока она будет показывать мне альбомы фотографий или семейные древа и излагать пространственные семейные истории, от которых Олли будет стонать и закатывать глаза. Она не знает, что я планировала провести весь вечер рядом с ней, и к тому времени, когда мы вернемся домой, она будет так же очарована мной, как и я ею.

Вместо этого я села.

– Значит, вы с Олли вместе работаете? – спрашивает Том, когда я сажусь рядом с Олли на диван.

– Да, – отвечаю я. – Уже три года.

– Три года? – Том разыгрывает потрясение. – Ты не торопился, приятель?

– Мы медленно закипаем, – откликается Олли.

Олли был типичным «надежным парнем с работы». Всегда готов был выслушать про мои катастрофические провалы на свиданиях, подставить плечо и дать возможность поплакаться в жилетку. В отличие от одержимых властью, желающих настоять на своем придурков, с которыми я обычно встречалась, Олли был веселым, скромным и неизменно хорошим парнем. И – что самое главное – он обожал меня. Мне

потребовалось время, чтобы это понять, но быть обожаемой оказалось намного приятнее, чем быть обманутой харизматичными ублюдками.

– Он, случаем, не твой босс? – подмигивает мне Том. Звучит ужасно сексистски, но на Тома трудно сердиться.

– Том! – одергивает его Диана, но видно, что ей тоже трудно на него сердиться.

Она вернулась с напитками и поджимает губы, как мать, пытающаяся журить своего очень милого непослушного малыша. Протянув мне бокал красного вина, она садится по другую сторону от Олли.

– Мы в равном положении, – говорю я Тому. – Я ищу персонал на разные технические должности, Олли занимается вспомогательным персоналом. Мы тесно сотрудничаем.

В последнее время очень тесно. Все началось, как ни странно, во сне. Станный, извилистый сон, который начался на барбекю моей двоюродной бабушки Гвен и закончился в доме, где жила моя лучшая подруга из начальной школы, но она была уже не маленькой девочкой, а настоящей старушкой. Где-то посередине в нем появился Олли. И так же, как моя лучшая подруга из начальной школы, он был другим. Сексуальнее. На следующий день, на работе, я отправила ему письмо, в котором сказала, что он мне прошлой ночью приснился. Последовала ожидаемая шутливая переписка, мол: «И что я там делал?», но со скрытым смыслом. Кабинет Олли находился сразу за стенкой от моего, но мы

вечно посылали друг другу письма: остроумные замечания о причёске нашего общего босса в стиле Дональда Трампа, о подозрительном поведении на офисной рождественской вечеринке, просьбы заказать суши на обед. Но в тот день все было иначе. К концу дня сердце у меня екнуло, когда его имя появилось в моем почтовом ящике.

Какое-то время я относилась к происходящему хладнокровно. Это было свидание, легкая интрижка... уж конечно, не отношения и не роман моей жизни. Но когда я обратила внимание на то, как он каждое утро подает пьянице на вокзале (даже после того как пьяница оскорбил его и обвинил в краже выпивки); как он заметил потерявшегося в торговом центре маленького мальчика и тут же поднял его над головой и спросил, а вдруг тот видит где-нибудь свою маму... И когда он начал все больше и больше занимать мои мысли, пришло понимание: вот оно. Он – тот самый.

Я рассказываю семье Олли историю (за вычетом сна), мои руки так и летают передо мной, пока я говорю быстро и без пауз, как обычно делаю, когда нервничаю. Том просто в восторге от этого рассказа и время от времени похлопывает сына по спине.

– А теперь расскажи мне... про всех вас, – говорю я, когда у меня кончается запал.

– Нетти – финансовый менеджер в «Мартин Холдсворт», – откликается Том, гордый как павлин. – Руководит целым отделом.

– А как насчет тебя, Патрик? – спрашиваю я.

– У меня бухгалтерская фирма, – говорит Патрик. – Пока маленькая, но со временем расширится.

– Расскажи мне о своих родителях, Люси, – вмешивается Диана. – Что они делают?

– Мой отец был профессором в университете. Сейчас на пенсии. Моя мама умерла. Рак груди.

Это было семнадцать лет назад, так что говорить об этом скорее неудобно, чем больно. В основном неловко за других людей, которые, услышав эту новость, ищут, что бы сказать.

– Мне так жаль это слышать, – говорит Том, и его гулкий голос наполняет комнату ощутимым спокойствием.

– Я потерял свою мать несколько лет назад, – говорит Патрик. – От такого никогда не оправиться.

– Никогда, – соглашаюсь я, внезапно почувствовав родство с Патриком. – Но, отвечая на твой вопрос, Диана, скажу, что моя мама была домохозяйкой. А до того – учительницей в начальных классах.

Я всегда с гордостью говорю, что она была учительницей. После ее смерти огромное число людей рассказывали мне, какой замечательной учительницей она была, сколько всего она сделала для своих учеников. Какая жалость, что она так и не вернулась к преподаванию, даже когда я сама пошла в школу.

– Какой смысл рожать ребенка, если не собираешься быть с ним рядом и наслаждаться каждой минутой? – говорила

она, и это забавно, потому что она все равно не смогла быть рядом и наслаждаться каждой минутой со мной, поскольку умерла, когда мне было тринадцать.

– Ее звали... – начинаю я, и в этот момент Диана встает.

Мы все замолкаем и провожаем ее взглядом. Впервые я понимаю, что значит слово «матриарх» и какую власть дает такой статус.

– Ну ладно, – говорит она. – Думаю, ужин готов, если все не против перебраться за стол.

И на этом разговоре о моей матери приходит конец.

На ужин у нас жареная баранина. Диана сама готовит и подает. Учитывая размеры дома, я почти ожидала, что появятся официантки или еще какая-то обслуга, но по крайней мере эта часть вечера проходит в комфортной семейной обстановке.

– На меня большое впечатление производит твоя работа, – говорю я, когда Диана наконец садится, положив всем еду на тарелки. – Олли так гордится тобой, что говорит о ней с каждым, кто готов слушать.

Диана рассеянно улыбается мне и тянется за цветной капустой под сырным соусом.

– Неужели?

– Честное слово. Мне бы очень хотелось узнать побольше.

Диана накладывает себе на тарелку немного цветной капусты, сосредоточившись на движениях так, словно проводит операцию на сердце.

– Вот как? Что бы ты хотела услышать?

– Ну... – Я вдруг чувствую себя в центре внимания. – Наверное... что тебя на это натолкнуло? Как ты создала свою организацию?

Диана пожимает плечами:

– Я просто поняла, что это необходимо. Собирать вещи для грудничков – это не ракетостроение.

– Она у нас скромная. – Том накалывает на вилку кусочек баранины, не успев прожевать тот, что у него во рту. Отправив в рот новую порцию, он продолжает: – Все дело в ее католическом воспитании.

– Как вы познакомились? – спрашиваю я. Мне вдруг приходит в голову, что Олли никогда мне этого не говорил.

– Они познакомились в кино, – отвечает Нетти. – Папа увидел маму в фойе и – ба-бах, настоящий фейерверк.

Том и Диана переглядываются. В их взгляде сквозит нежность, но и что-то еще – вот только я не могу понять, что именно.

– Что тут скажешь? Я сразу понял, что это она. Диана не походила ни на одну из моих знакомых... Она была умнее. Интереснее. Куда мне до нее, подумал я.

– Мама из состоятельной семьи, – объясняет Нетти. – Средний класс, католики. Отец был деревенским парнем, без связей, без денег. Без гроша за душой.

Я мысленно делаю шаг назад, чтобы избавиться от подсознательного вывода, к которому пришла, едва войдя в дом, –

что Диана вышла замуж за Тома из-за денег. Это сексистская мысль, но не такая уж нелепая, учитывая несоответствие в их внешности. От того факта, что она вышла за него по любви, Диана сразу вырастает в моих глазах.

– А ты, Диана? – спрашиваю я. – Ты тоже сразу поняла?

– Конечно! – откликается Том и приставляет рамкой ладони к лицу. – А как иначе, если она увидела такое лицо!

Все смеются.

– Вообще-то я вот уже тридцать пять лет пытаюсь сказать ему, что внешность не имеет значения, но он просто заглушает мои слова, – насмешливо вставляет Диана. Они с Томом обмениваются улыбками.

После ее чопорной официальности в начале вечера приятно видеть ее с этой стороны. Я позволяю себе надеяться, что, когда мы проведем еще немного времени вместе, она впустит меня в свой внутренний мирок. Может быть, однажды я даже начну помогать ей с благотворительностью? Может, Диана крепкий орешек, но рано или поздно я его расколю. Скоро мы станем лучшими друзьями.

Мне было тринадцать, когда умерла моя мать Джой¹. Это имя ей шло: она была всегда веселая, никогда не воспринимала себя слишком серьезно. Она носила платки и висячие серьги и громко пела в машине, когда по радио передавали песню, которая ей нравилась. На вечеринки по случаю мое-

¹ В переводе с английского это имя означает «радость». – *Здесь и далее, кроме обозначенных мест, прим. пер.*

го дня рождения она всегда приходила разряженная, и у нее были туфли для степа, которые она любила надевать время от времени, хотя никогда не училась чечетке.

Вот каким человеком была моя мать.

В черном, без украшений, без обруча в волосах или забавного парика я видела маму, только когда она отправлялась с папой на конференцию или на обед. Папа – полная противоположность маме: консервативный, серьезный, воспитанный. А мама... она сдерживала себя только ради папы. Когда в середине своей академической карьеры папа решил сменить место работы (дело сложное, к тому же способное поставить под угрозу его карьеру и наше благосостояние), она поддержала его безоговорочно. «Папина работа – заботиться о нас, наша – заботиться о нем».

Отец так и не оправился после ее смерти. Судя по статистике, большинство мужчин снова женятся в течение трех лет после прекращения прежних отношений, но семнадцать лет спустя отец все еще одинок. Он всегда повторяет: «Твоя мать была моей спутницей жизни, а спутница жизни – это на всю жизнь».

После смерти мамы папа нанял домработницу, чтобы та готовила, убирала и делала для нас покупки. Марии было, вероятно, лет пятьдесят, но из-за черных волос, тронутых сединой и стянутых в тугий пучок, ей можно было дать и сто. Она носила длинные юбки и нейлоновые колготки, туфли на низком каблуке и фартуки в цветочек, которые она шила са-

ма. Ее собственные дети выросли, а внуки еще не появились. Она приходила каждый день с полудня до шести вечера. Не знаю, какова была официальная роль Марии, но она всегда была рядом, когда я возвращалась из школы, и мне казалось, что это была лучшая часть ее дня. Это была лучшая часть и моего дня. Она распаковывала мою сумку, споласкивала коробки с завтраком и нарезала фрукты и сыр на тарелке для послеобеденного чая – мама ничего подобного в жизни бы не стала делать. Задним числом мне думается, что многим внимание Марии показалось бы удушающим. А я просто чувствовала, что обо мне заботятся.

Однажды, когда я подхватила грипп, Мария пришла на целый день. Она суетилась вокруг меня, периодически заглядывала ко мне в комнату, приносила воду, чай или прохладную салфетку, чтобы положить на лоб. Пару раз, когда я сквозь дрему слышала, как она входит в комнату, я тихонько стонала, просто чтобы услышать, как Мария суетится. Она целовала меня в лоб и приносила воду. Она даже кормила меня супом с ложечки.

Положа руку на сердце это был один из лучших дней в моей жизни.

Мария ушла от нас, когда мне исполнилось восемнадцать. К тому времени у нее уже был первый внук, а также стареющая собака с глаукомой, и, кроме того, я почти выросла, так что ей больше нечего было делать. После этого папа завел постоянную уборщицу и начал сам покупать продукты

по пути домой с работы. Мария поддерживала с нами связь подарками на день рождения и открытками к Рождеству, но в конце концов ее жизнь заполнилась собственной семьей. И вот тогда я поняла: мне тоже нужна собственная семья. Муж, дети, старая слепая собака. Самое главное, мне нужна своя Мария. Кто-то, кто поделится рецептами и житейской мудростью и утопит меня в волнах материнской любви. Кто-то, кто не уйдет и не вернется к своей семье, потому что я и есть ее семья.

У меня больше не было матери. Но когда-нибудь, возможно, у меня появится вторая мать – свекровь.

После ужина Том предложил нам посидеть в берлоге. Так в их семье называют комнату с высоченным и сводчатым, как в соборе, потолком, книжными полками от пола до потолка и кучей всего из кожи. Она напоминает мужской клуб. На буфете висится огромный телевизор, а еще тут есть самый настоящий бар, заставленный самыми разными бутылками. Олли позвали на кухню, чтобы помочь с кофе и десертом (что, я полагаю, означает, что родители хотели допросить его обо мне), поэтому я отдыхаю в берлоге с Нетти и Патриком.

– Итак, – начинает Патрик. Он за барной стойкой смешивает нам какой-то коктейль, который мне совсем не нужен, потому что я уже выпила два бокала вина, но он так счастлив возможности повозиться со спиртным, что у меня не хватает духу ему отказать. – Что ты думаешь о Диане?

– Патрик, – предупреждает Нетти.

– Что? – Уголки его рта поднимаются в улыбке. – Это вопрос без подвоха.

Я отчаянно пытаюсь что-нибудь придумать, но, честно говоря, сказать мне особо нечего. Большую часть ужина Диана провела, спрашивая, не хочет ли кто-нибудь еще овощей. Она уклонялась от любых вопросов, которые я ей задавала, и, если не считать смешка по поводу ее первой встречи с Томом, весь вечер держалась удручающе отстраненно. Честно говоря, если бы не Том, Нетти и Патрик, происходящее вообще не походило бы на семейный вечер. Я знаю только, что Диана совсем не такая, как я надеялась.

– Ну... Думаю, она... – Я мысленно перебираю несколько слов вроде «милая», «интересная», «добрая», но, как мне кажется, ни одно из них не подходит, а я не хочу быть неискренней. В конце концов, я здесь не только для того, чтобы произвести впечатление на родителей. Если у нас с Олли все получится, всю оставшуюся жизнь я буду отмечать Рождество с Нетти и Патриком... поэтому важно быть собой. Проблема в том, что еще слишком рано по-настоящему быть собой. Я начинаю понимать, что знакомство с семьей требует навыков политика. Нужно знать, кому и в какой момент оказать поддержку, чтобы получить максимальный результат. Я решаю поступить так, как всегда советовала моя мама, и найти что-нибудь истинное.

– По-моему, она замечательно готовит.

Патрик смеется слишком искренне. Нетти бросает на него

яростный взгляд.

– Да ладно тебе, Нетти. – Патрик тычет ее локтем в бок. – Послушай, она могла бы вести себя гораздо хуже. По крайней мере, у нас есть Том, да?

Это слабое утешение. У меня была такая четкая картина того, что я хотела бы видеть в потенциальной свекрови, – и никакому свекру, даже Тому не занять ее место. А вот Патрик, кажется, принял свою холодную тещу без особых тревог, и это несмотря на то, что она явно ему не по нутру.

– Ну, – говорю я через несколько минут, когда Олли все еще не показывается, и у меня возникает чувство, что Нетти хочет побыть наедине с Патриком, – пойду посмотрю, как там десерт.

Через двойные двери я вхожу в огромную комнату, которая ведет в просторную кухню – в центре ее гигантская гранитная стойка для готовки. Олли и Диана стоят у стойки спиной ко мне и, кажется, раскладывают что-то на доске для сыра.

– Какая разница, что я думаю, – говорит Диана.

– Для меня большая, – возражает Олли.

– А не должна быть.

Диана выговаривает слова, как библиотекарь или учитель музыки, четко и правильно, без малейшей неуверенности. Я останавливаюсь в дверях.

– Ты хочешь сказать, что она тебе не нравится?

Диана слишком долго молчит.

– Я говорю, что не важно, что я думаю.

Я отступаю так, чтобы исчезнуть из их поля зрения, прячусь за углом. Такое ощущение, словно меня ударили под дых. Я о стольком тревожилась: что она не та свекровь, о которой я мечтала, что она не оправдает моих ожиданий, – что мне и в голову не пришло, что я ей не понравлюсь.

– Серьезно, мама? Ты не собираешься сказать мне, что ты думаешь о Люси?

– Ох, Олли! – Я воображаю, как она отмахивается, словно от мухи. – Я думаю, она совершенно нормальная.

«Нормальная». Мне нужно время, чтобы это переварить. Я... нормальная.

Я ищу плюсы в этом «нормальная», но не могу найти ни одного. Когда говорят, что ты «нормальная», это все равно как если бы сказали, что твое платье тебя не полнит. Когда про тебя говорят, что ты «нормальная», это как сравнить тебя со вчерашним сэндвичем, которым не отравишься. Когда про тебя говорят, что ты «нормальная», это все равно что... ты невестка, которую ты не хочешь, но которая в конечном итоге могла бы оказаться куда хуже.

– Вот ты где, Люси!

Я резко оборачиваюсь. В дверях, сияя, стоит Том.

– Пойдем, поможешь мне выбрать десертное вино. Я никогда не знаю, какое взять.

– Но... я плохо разбираюсь в вине...

Но Том уже тащит меня в подвал с удивительным коли-

чеством вин. Я притворяюсь, что получаю удовольствие от дегустации десертных вин, радуясь, что полутьма скрывает слезы, которые я смаргиваю.

Для меня «нормальная» все равно что мертвая.

ЛЮСИ**НАСТОЯЩЕЕ...**

Полицейские у меня на кухне. Коп по имени Саймон сам, не спрашивая меня, нашел кружки, чайные пакетики и молоко и теперь заваривает мне чай. Полицейская, которую, как оказалось, зовут Стелла, стоя рядом с ним, загружает в посудомоечную машину пластиковые тарелки и выбрасывает в мусорную корзину остатки булочек для бургеров и кетчуп.

Олли в коридоре, разговаривает по телефону с Нетти. Я слышу, как он объясняет, что он не уверен... что он рассказал ей все, что знает... «Я же сказал, что не знаю!»... что ей надо просто приехать и самой поговорить с полицией.

Он говорит о Диане, напоминая я себе. Диана мертва. Перед лицом случившегося тот факт, что мы никогда не ладили, как будто лишается смысла или по меньшей мере стирается, и я ловлю себя на том, что меня охватывает глубокая печаль. Словно смерть вознесла Диану на какой-то новый уровень, придав ей нечто... благородное, что ли, а наши прошлые проблемы сделались тривиальными, даже мелкими. В конце концов, никто не ладит со своей свекровью, ведь так? Никто! Свекровь моей подруги Эмили отказывается верить, что у Поппи непереносимость лактозы («Что за чушь, – возмущается она, – в наши дни не было всех этих неперено-

симостей!»). Свекровь Джейн не в силах постичь, что можно пользоваться одноразовыми подгузниками, особенно после того, как потрудилась купить для Генри упаковку тканевых. Свекровь Саши непрестанно говорит о наследстве, которое Саша, по-видимому, получит, изо всех сил напоминая ей, какой везучей она должна себя считать. Свекровь Даниэль – кладезь непрошенных советов, а свекровь Кены во все сует свой нос. Сара – единственная, кто обожает свою свекровь, и это потому, что Марг два дня в неделю присматривает за детьми, а еще стирает и гладит на всю семью и забывает морозилку домашними полуфабрикатами. (Марг – своего рода единорог среди свекровей, как мы это называем.)

Дети наконец-то уюмонились. К несчастью, они решили объявиться и потребовать нашего внимания сразу после того, как полицейские рассказали нам о Диане, поэтому Саймон и Стелла любезно предложили остаться, пока детей не накормят и не уложат в кровать. (Саймон сделал даже больше: лично подал бургеры и поболтал с детьми, пока они ели!) Ждать подробностей было сущим адом, но тут мы ничего не могли поделать. Когда пришло время ложиться спать, Олли подхватил на руки Эди (ее было легче всего уложить в постель, требовалось всего лишь спеть короткую колыбельную, дать любимого ягненка и соску), и я позволила ему, потому что, в конце концов, его мать только что умерла. Я взяла на себя двух старших, которые, похоже, догадались, что полиция пришла к нам не просто так. Хватаясь за соломинку, я

сказала им, что нас пришли расспросить об украденном велосипеде.

– А чей велосипед? – спросил Арчи, пытаясь сбросить одеяло, которым я его накрывала. – Не мой?

– Нет, не твой.

Он снова сел в кровати.

– Харриет?

Я толкнула его обратно.

– Она, наверное, где-то его бросила, а теперь притворяется, что его украли. Она давно новый хочет. Если она получит новый, я тоже хочу.

– Никто никому новый велосипед не покупает.

Он посмотрел на меня недоверчиво, но остался лежать. Я наклонилась поцеловать его в лоб, но – хлоп! – он снова сел.

– Они думают, что я украл велосипед?

– Нет, Арчи.

Он успокоился после того, как мне удалось убедить его, что Харриет ни при каких обстоятельствах не получит новый велосипед.

У Харриет были другие заботы. Когда я подтыкала ее одеяло, она вдруг завопилась и заерзала.

– Зачем полицейским приходиться к нам домой из-за велосипеда, который даже не наш?

– Ну... они думали, вдруг мы знаем, где он.

– С чего бы им так думать?

В ее немигающих голубых глазах было что-то всезнающее.

Харриет часто удается застигнуть меня врасплох этим взглядом.

– Может быть, – сказала она, прежде чем я успела ответить, – они просто говорят, что пришли по поводу велосипеда, но на самом деле собирают информацию о чем-то другом?

В прошлые выходные, когда ночевала у подружки, Харриет смотрела «Детей шпионов», и я подозревала, что именно кино в ответе за все эти разговоры о сборе информации. Но кто знает? Харриет всегда была проницательной малышкой. Слишком мудрой для своих четырех лет.

– Есть только один способ это выяснить, – говорю я. – Я поговорю с ними, а тебе расскажу завтра. Тебе надо поспать.

Она медленно кивает и забирается под одеяло, но вид у нее при этом совсем не сонный. Если уж на то пошло, она выглядит встревоженной. А это странно, учитывая, что она даже не знает, что ее бабушка умерла.

Я поднимаю глаза, когда из коридора выходит Олли с телефоном в руке. Он плюхается на кухонный стул, и я соскальзываю с барного табурета и сажусь рядом с ним к столу.

– Как Нетти? – спрашиваю я.

Олли кладет локти на стол, подпирает лоб левой рукой.

– Она уже едет сюда.

– Нетти приедет?

– И Патрик.

Я втягиваю воздух, стараясь игнорировать трепыханье па-

ники на дне желудка. Ради бога! Конечно, Патрик и Нетти приедут. В конце концов, мать Нетти только что умерла. Даже хорошо, что жизнь вынуждает нас быть вместе. Я ведь вот уже несколько недель надеялась, что Нетти с нами свяжется, так ведь?

Саймон приносит мне чашку чая на кухонный стол, они со Стеллой выдвигают стулья и садятся. Мы все собираемся, берем себя в руки, готовимся. Любая неформальность в общении, к какой мы прибегли, пока дети были рядом, исчезла, и мы готовы поговорить серьезно.

– И?.. – подстегивает Олли.

– Я сразу перейду к делу, – говорит Саймон. – У нас пока нет всей информации, причину смерти все еще расследуют. Нам известно только, что сегодня после пяти вечера соседка вызвала полицию и сообщила, что видела через окно неподвижное тело вашей матери. К тому времени, как полиция вошла в дом, она была мертва уже несколько часов.

– Да, но что послужило причиной? – Олли не может скрыть разочарования в голосе. Я протягиваю руку и накрываю его ладонь своей.

– Мы будем знать наверняка, только когда получим результаты вскрытия, – говорит Саймон. – Но были найдены вспомогательные средства, а также письмо, которое указывает на то, что ваша мать, возможно, покончила с собой.

В наступившей тишине я ловлю себя на том, что подмечаю каждую мелочь: слабый шорох дождя за стеклом и блеск

пота на висках полицейского, муху, застрявшую между занавеской и окном, и бешеную пульсацию крови у меня в голове.

– Я понимаю, для вас это, наверное, шок, – говорит Стелла.

– Да, – отвечаю я.

Я сосредотачиваюсь на Олли, который странно спокоен. Я обнимаю его, вожу ладонью по спине быстрыми ритмичными кругами, как я делаю с детьми, когда они падают и ушибаются. И все равно он застыл, словно вообще не способен пошевелиться.

– Вы уверены? – наконец спрашивает он. – Что она...

– В письме совершенно ясно говорится, что она решила сделать. И... вспомогательные средства, вероятно, были куплены заранее, что указывает на то, что это не было спонтанным поступком.

Олли внезапно встает и целеустремленно делает несколько шагов в одну сторону, потом в другую. Затем внезапно останавливается как вкопанный.

– Какие вспомогательные средства вы нашли?

– К сожалению, в настоящее время мы не вправе разглашать эту информацию. Пока коронер не вынесет постановление о том, что это самоубийство, мы должны рассматривать это как потенциальное убийство...

– Потенциальное?.. – Олли открывает рот, но, похоже, не может закончить фразу.

– Просто мы не можем этого исключить, пока не получим соответствующих распоряжений. Я понимаю, что такое непросто услышать.

Саймон держится компетентно и профессионально, но мне трудно воспринимать его всерьез. Он так молод. Что вообще он способен понять о жизни и смерти, с таким-то молодым, без морщин лицом?

– Вы не можете назвать причину, по которой ваша мать могла бы лишиться себя жизни? – спрашивает Стелла. Она смотрит на Олли, но время от времени бросает взгляд на меня, как будто украдкой. – Может, у нее была депрессия? Может, она страдала от психической или физической болезни?

– У нее рак груди, – говорит Олли. – Но рак был в начальной стадии. Она бы не покончила с собой. Я в это не верю.

Олли роняет голову на руки. Но мгновение спустя, когда в окно бьет свет фар, он снова поднимает голову. К дому подъезжает машина Патрика.

– Они здесь, – без нужды говорю я.

– Откройте, – просит Стелла.

Мы с Олли идем к двери. Патрик выбирается с сиденья водителя, над крышей машины возвышаются его голова и плечи. Он обходит машину, чтобы открыть Нетти дверцу, но она не спешит выходить. Когда она наконец появляется, это шок. Ее лицо осунулось, глаза ввалились. Я всего несколько недель с ней не виделась, но за это время она, должно быть, похудела килограммов на двенадцать.

– Нетти, – произношу я, когда она поднимается по ступенькам. – Я... мне... так жаль.

– Спасибо.

Она не поднимает глаз, поэтому, когда Олли обнимает ее, это застаёт ее врасплох. Возможно, из-за неожиданности она ему позволяет. Патрик держится в нескольких шагах позади, здоровается со мной коротким кивком.

Я поворачиваюсь и иду назад в дом.

Внутри Саймон и Стелла негромко переговариваются, собирая кружки. Я проскальзываю в ванную. Игрушки для купания разбросаны по всему полу, а детские зубные щетки выстроились в ряд на туалетном столике, все еще перепачканные зубной пастой, потому что мы забыли их помыть. Я смываю пасту и ставлю щетки назад в пластиковый стаканчик, где им место. Затем я открываю шкафчик под раковиной и вытаскиваю старое желтое полотенце, такое застиранное, что я держу его только для тех случаев, когда требуется старое полотенце – вытереть пол, почистить ботинки или собрать рвоту. Олли, конечно, не понимает смысла старых полотенец и всегда умудряется вывесить именно его на всеобщее обозрение, когда у нас гости. Но все это, конечно, несущественно, потому что Диана мертва.

– Люси? – зовет из соседней комнаты Олли. – Люси? Где ты?

– Минутку, – кричу я и прижимаю к лицу желтое полотенце, чтобы никто не услышал, как я плачу.

ДИАНА ПРОШЛОЕ...

– Ах вот как, ты вчера познакомилась с его новой девушкой, – говорит Джен. – Как все прошло?

Кэти, Лиз, Джен и я сидим на террасе «Бэтс», за спиной у нас расстилается сине-зеленая вода. Мы заказали морепродукты, большое блюдо нарезанной тонюсенькими ломтиками картошки фри и бутылку шампанского «Буланже» – все это чрезвычайно приятно и ужасно претенциозно. За правым плечом Джен парит чайка, с интересом присматриваясь к картошке.

Я поднимаю руку, чтобы заслонить глаза от солнца, и замечаю, что приятельницы пристально смотрят на меня.

– Да, давай, Диана, рассказывай, – просит Кэти.

Подруги подаются вперед, и я чувствую толику неловкости, что очутилась в центре внимания. В то же время меня охватывает возмущение. Одна из причин, почему я выбрала именно этих женщин – жен друзей Тома, – заключается в том, что они обычно слишком поглощены собственными делами, чтобы проявлять интерес к моим, а если на свете и есть что-то, что я от всей души ненавижу, так это когда другие суют нос в мои дела.

– Да, я познакомилась с Люси, – неопределенно отвечаю

я. – Все было нормально.

Я делаю глоток. Сегодня первая среда месяца, время нашей обычной встречи в «Брайтон Бэтс». Когда-то такие встречи были ради собраний книжного клуба, и такая идея мне ужасно нравилась. Первой книгой, которую я предложила, была биография Клементины Черчилль, и я пришла в «Бэтс» с целым списком заранее подготовленных тем для обсуждения, но обнаружила, что никто не читал эту чертову книгу. В конце встречи никто не предложил другую, и с тех пор Джен стала называть нас «клубом напитков».

– Нормально? – Джен даже присвистывает. – О боже!

– Что значит «о боже»? – переспрашиваю я. – И что плохого в «нормально»?

– Слабая похвала хуже, чем вообще никакая, – бормочет Лиз.

– Ничего хорошего со слова «нормально» еще не начиналось, – соглашается Кэти.

Я не понимаю. С моей точки зрения, «нормально» – вполне подходящее одобрение для новой подружки сына. Что еще я могу сказать? «Полюбила» или «любовь», очевидно, слишком сильные выражения, и даже «понравилась» было бы преувеличением после одного проведенного вместе вечера – боже упаси меня быть одной из докучливых клуш, которые лебезят перед очередной девушкой сына, навязываясь в лучшие подруги, умоляя пойти вместе по магазинам или в спа-салон. С моей точки зрения, если Люси любит моего

сына, а мой сын любит ее, то все нормально. Абсолютно нормально.

– Да ладно, тут ведь речь о Диане, – говорит Кэти, поднимая бутылку шампанского из ведерка со льдом. Обнаружив, что она пуста, она подает знак официанту принести еще одну. – На самом деле «нормально» – это очень высокая похвала.

Все хихикают, что меня озадачивает. Что такого плохого в «нормально»? Вот в чем проблема с новыми подругами. «Новые» тут, правда, натяжка, так как я дружу с Джен, Кэти и Лиз тридцать лет, но ничто не сравнится с подругами, которых знаешь всю жизнь, таких, которым ничего не придется объяснять. Синтия поняла бы, что я имею в виду этим «нормально». Я до сих пор скучаю по Синтии.

– Ты веселую жизнь ей устроила? – спрашивает Кэти. – Спросила, каковы ее планы на твоего дорогого сыночка?

Почему, скажите на милость, всем так важно знать мое мнение? Считается ведь только то, что о ней думает Олли? В конце концов, какая разница, что о ней думаю я. По-моему, некоторые родители (включая Морин и Уолтера, моих собственных) слишком уж заставляют считаться со своим мнением. Я выросла католичкой, с матерью, которая пристально следила за всем, чем заняты соседи, а уж ее дети – особенно. Я давным-давно пообещала себе, что не буду такой. И в самом деле, я не буду.

– Ты была приятно удивлена? – спрашивает Джен. – Или

пришла в ужас?

– Ни то и ни другое, – отвечаю я, потому что Люси оказалась именно такой, какой я ее себе представляла: хорошенькая неврастеничка, отчаянно пытающаяся произвести впечатление. До мозга костей во вкусе Олли. От рождения умная, привлекательная и чуточку эксцентричная, и всю жизнь ее обожали – сначала родители, потом мальчишки. Она была бы любимицей учителей, старостой школы, лучшей чирлидершей. Таким девушкам, как она, все дается легко. И хотя мне хотелось бы за нее радоваться, я повидала слишком много девушек, к которым жизнь была не так добра, а потому все это немного меня раздражало.

– Недостаточно хороша для твоего сына, да? – со знанием дела спрашивает Джен.

– Таких вообще не бывает, – соглашается Лиз, что странно, поскольку у нее нет сына.

– Ну не знаю, – тянет Кэти. – Я готова приплатить той, которая займется моим Фредди. Я просто в ужасе, что однажды он захочет переехать ко мне жить, лишь бы бросить работу, сидеть на заднице и смотреть реалити-шоу весь день, называя себя «ухаживающим лицом». Я бы все на свете отдала за невестку. За кого-нибудь, кто выдергивал бы волоски у меня на подбородке и красил мне губы помадой, когда я стану старой и седой. От сыновей в таких вещах никакого толку.

Я жую картошку и надеюсь, что они с головой прогрузятся в обсуждение между собой. Все сводится к тому, что, ко-

гда в семье появляется новый член, всегда требуется толика корректировки и подлаживания. У разных людей разные ценности, разные семейные истории, разные мнения. Все может сложиться чудесно, а может, разумеется, и не сложиться. Патрик с нами уже несколько лет, и хотя я была от него далеко не в восторге, мы приспособились. Не сомневаюсь, что с Люси, если она никуда не денется, произойдет то же самое. Тем не менее вполне естественно – немного внутренне поднапрячься. Грядут перемены, конечно, и какое-то время мы будем ходить на цыпочках.

– Думаешь, она охотница за деньгами? – Джен кладет руку мне на локоть, от чего ее вопрос кажется чуть более зловещим и волнующим.

– Нет.

Приятельницы не могут скрыть разочарования.

– Значит, не повторение Патрика?

Я не отвечаю. У меня собственное мнение о мелкой бухгалтерской фирме Патрика, которой он руководит с энтузиазмом человека, ожидающего, что рано или поздно на него свалится значительное наследство и решит все его проблемы. Это не мое дело, и уж точно не дело Джен. А кроме того, независимо от его трудовой этики, Патрик – член семьи, и Нетти его любит. А потому я должна проявить к нему толику лояльности.

– Ну единственно важное – что Олли с ней счастлив, – говорит Кэти после долгой паузы, и все хмыкают в знак согла-

сия. Все, кроме меня.

По-моему, все чересчур уж заинтересованы в том, счастливы ли их дети. Спросите любого, чего он хочет для своих детей, и он ответит – счастья. Чтобы они были счастливыми! Не сознательными членами общества. Не скромными, мудрыми и терпимыми. Не сильными перед лицом невзгод и не благодарными перед лицом несчастий. А вот я всегда хотела, чтобы моим детям выпало испытать трудности. Настоящие, честные трудности. Чтобы они столкнулись с достаточно серьезными проблемами и стали чуткими и мудрыми. Возьмем беременных беженок, с которыми я имею дело каждый день. Они прошли через невообразимые испытания, но упорно работают, вносят свой вклад в общество и благодарны.

Чего еще можно хотеть для своих детей?

Помолвка состоялась быстрее, чем я ожидала, всего через год. Как-то вечером Олли объявил об этом за ужином с той же гордой улыбкой, с какой в два года приносил из сада дохлую птицу. Том, конечно же, едва не воспламенился от этой новости, в какой-то момент даже разразился настоящими слезами. Ради всего святого! Это было пять месяцев назад. До того как начались настоящие хлопоты по планированию свадьбы.

– Мама с папой готовы?

Мы с Питером, отцом Люси, сидим бок о бок на мягких стульях эпохи Людовика XV, которые развернуты лицом к

бархатному занавесу. Время от времени Люси выходит из-за занавеса и поднимается на небольшой подиум, а вокруг нее суетится продавщица по имени Ронда. Откровенно говоря, происходящее мучительно по многим причинам, и не в последнюю очередь потому, что Ронда продолжает называть нас мамой и папой, несмотря на то что я дважды указала, что я Люси не мать, а ей, Ронде, и подавно.

– Готовы, – хором отвечаем мы.

Я думаю о том, что сказала бы моя мать, если бы я пригласила ее в такое место. («Что за вздор! Я сама сошью тебе свадебное платье, а Ида и Норма из церкви мне помогут. Ида сделала поразительные розеточки на свадебное платье своей племянницы Мэри, видела бы ты их! Конечно, платье пришлось распустить, потому что к великому дню бедняжка раздалась в талии. Сколько по этому поводу было разговоров, знаешь ли...»)

Признаюсь, я была удивлена, когда Люси пригласила меня на сегодняшней просмотр. (По-видимому, дочка подружки невесты сломала руку, упав утром со шведской стенки, и в настоящее время будущая подружка невесты сидит в детской больнице, ожидая операции, а Люси хочется услышать женское мнение.) На самом деле, группка получилась довольно необычная, учитывая присутствие отца Люси, но Люси настояла. «С тех пор как мне исполнилось тринадцать, он был мне не только отцом, но и матерью. Думаю, он более чем заслужил право присутствовать».

«Что ж, справедливо», – подумала я, хотя и не осмелилась высказать свое мнение. Главные в таких делах матери, а свекровям – то есть матерям лишь «на замену», постольку-поскольку – лучше бы заткнуться и сидеть тихо.

Как ни странно, Люси была очень застенчива, когда приглашала меня прийти. «Уверена, ты очень занята, но на случай, если ты свободна, я была бы рада, если бы ты смогла».

Так уж судьба распорядилась, что дел у меня не было, а я никогда не умела придумывать ложные оправдания. Нетти, по-видимому, тоже была приглашена, но, к ее огорчению, на это время ей было назначено к врачу, чтобы получить подтверждение или опровержение диагноза.

– Вот она! – восклицает Ронда, распахивая бархатный занавес, и, схватив Люси за локоть, буквально выволакивает ее на подиум в платье, которое выглядит точно так же, как и предыдущее: с открытыми плечами и пышной юбкой в пол, как у Барби, втиснутой в торт на детском дне рождения. Она заставляет Люси нелепо покрутиться, взмахивая юбкой.

– Вам нравится? – застенчиво спрашивает Люси.

У Питера предсказуемо на глаза наворачиваются слезы. Он поднимается на ноги – типичный бывший профессор, начиная от твидового пиджака и заканчивая мягкой белой бородой и кожаными ботинками на шнуровке. Он достает из кармана носовой платок и прижимает его к глазам.

– Думаю, это можно расценить как одобрение! – восторженно заявляет Ронда. – А вы что думаете, мамочка?

Все смотрят на меня.

А мне в голову приходит только, что все это чудовищное расточительство. Платье, розовый бархатный занавес, стулья в стиле Людовика XV. Но что я должна сказать?

– Разве она не прекрасна? – подстегивает Ронда.

Люси, конечно, хорошенькая, но я понемногу осознала, что самое интересное в ней – это ее необычный стиль: несочетаемые принты, всполохи цвета, пайетки и блески. Сегодня она пришла в свадебный магазин в огромной соломенной шляпе с широкими полями и в сабо. Сабо! Если хотите знать мое мнение, это немного чересчур, но нельзя отрицать, что девушка о себе заявила. Однако в этом платье она выглядит совершенно безликой. Классическая, типичная невеста.

– Ну, я думаю, это...

– А ты как думаешь, Люси? – говорит, выныривая из-за носового платка, Питер. – Тебе нравится?

На лице Люси появляется осторожная улыбка.

– Да.

После таких слов Ронда уходит в заднюю комнату и возвращается с вуалью, которую пристраивает Люси на голову, закрепляя букетом из пластмассовых розочек. Это так явно отдает стратегией продаж, что я невольно буравлю ее взглядом. Нет, в навязывании товара нет ничего дурного, и надо как-то зарабатывать на жизнь. Но все происходящее почему-то кажется неприличным, отдает принуждением.

Питер откашливается.

– Итак, Ронда. Каков будет урон?

Ронда идет к своему компьютеру и необоснованно долго стучит по клавишам. По-видимому, в свадебных магазинах выставить цену невероятно сложно. Я отворачиваюсь и делаю вид, что разглядываю атласные свадебные туфли. И платье, и свадьбу оплачивает Питер, который отклонил все наши предложения внести половину. Том, который, как и следовало ожидать, пришел в ужас, практически умолял его передумать, пока я не убедила его: Питер может счесть это оскорбительным. Кроме того, к большому моему облегчению Люси и Олли планируют очень скромную свадьбу, поэтому я уверена, что Питер ее потянет. То есть так я думаю, пока Ронда не произносит шепотом сумму, на которую можно купить новый автомобиль на целую семью.

С лица Питера сходят все краски.

– О боже, – говорит Люси. – Правда?

Ронда серьезно кивает:

– Это же настоящие стразы Сваровски. И это бальное платье, так что на него пошло много ткани.

– Я примерю что-нибудь другое, – тут же говорит Люси. – Что-нибудь попроще или витринный образец.

Схватив свадебный журнал, я делаю вид, будто сосредоточенно его читаю. Вот почему свекровей на подобные мероприятия не приглашают! Питер почувствует себя невероятно неловко от того, что я стала свидетельницей этой сцены, у него появится ощущение, что его загоняют в угол. Будь здесь

Том, он уже вскочил бы на ноги, протягивал золотую кредитку, практически совал бы ее в руке Ронде. В моем стиле было бы сказать Люси, что есть, наверное, очень неплохое платье, которое стоит меньше первого взноса на дом.

Я думаю об Амине, которую навещала сегодня утром в ее квартирке. Она приехала из Судана три месяца назад, беременная близнецами, с еще тремя детьми, все младше пяти лет. Я привезла ей подержанную коляску для близняшек, а она разрыдалась и попросила Аллаха благословить меня и мою семью. Она сказала, что будет возить в ней двух своих младших до супермаркета, потому что обычно ее детям двух и трех лет приходится идти самим, а их маленькие ножки ужасно устают. По ее словам, иногда им требуется целый час, чтобы пройти километр.

– Это то, которое ты действительно хочешь? – спрашивает Питер.

– Папа... ты уверен? Это большие деньги.

– У меня только одна дочь, – говорит он. – И невестой она будет только один раз.

– Вам и вуаль тоже понадобится? – вставляет Ронда, эдакий стервятник. – Я спрашиваю просто потому, что это последняя, какая у нас есть в наличии. И я могу сделать вам скидку в десять процентов.

Она начинает снова стучать по клавишам. Через пару секунд она объявляет цену, от которой у меня на глаза наворачиваются слезы.

– Нет, мне не нужна вуаль, – качает головой Люси.

– Но ведь она очень даже завершает образ, правда, мамочка? – подстегивает Ронда, втягивая меня в свои отвратительные махинации. – И это небольшая цена за то, чтобы устроить вашей дочери идеальную свадьбу, верно я говорю?

На мой взгляд, Ронда сейчас поднялась на новый уровень зла. Заставляет несчастного отца покупать вуаль, которую он не может себе позволить. Подстегивает меня стать на ее сторону против несчастного. Намекает, мол, если он не купит кусок нелепо дорогого кружева, значит, он не любит свою дочь и не хочет, чтобы у нее была идеальная свадьба. Если бы это зависело от меня, женщину вывели бы на улицу и выпороли кнутом.

– Честно говоря, сомневаюсь, чтобы кто-то, помимо членов королевской семьи, посчитал бы такую сумму небольшой, – говорю я ей. – Это грабеж среди бела дня, и вам следовало бы постыдиться. Я не знаю, как вам спится по ночам.

Питер и Люси оборачиваются и смотрят на меня, а Ронда краснеет и делает угрюмое лицо подростка, который чувствует, что весь мир ополчился против нее и что ни в чем – вообще ни в чем – ее вины нет.

– И еще кое-что, – говорю я, раз уж привлекла к себе всеобщее внимание. – Как я уже несколько раз повторяла, я не мать Люси. – Я складываю руки на коленях. – Я ее свекровь.

ЛЮСИ**НАСТОЯЩЕЕ...**

– Кто-нибудь хочет чаю? – спрашиваю я.

Никто не отвечает, но я все равно иду на кухню, чтобы поставить чайник. Мысли у меня разбегаются. Диана мертва. Умом я это понимаю, но почему-то мне кажется, что это не так. Это странное, оупляющее или обезболивающее ощущение мне знакомо, оно напоминает мне первое время после смерти матери, когда я бродила как в тумане, не отдавая себе отчета, какой сейчас день недели или какое время суток. И только через несколько дней на меня обрушилась боль – стремительно и с силой, словно ее зарядили в рогатку и выстрелили в меня. Во время похорон я наконец сломалась под ее тяжестью и рыдала так истерично, что мой бедный отец не знал, что делать.

Я стягиваю с верхней полки и расставляю на стойке кружки. Небо за окном – черное. Патрик, Нетти и Олли остались в гостиной, расселись тут и там, но смотрят в разные стороны. У меня такое чувство, что Патрик и Нетти хотели бы уйти, но считают, что не должны, как будто это может быть сочтено пренебрежением к Диане. В конце концов, в такие времена члены семьи должны быть вместе.

Саймон и Стелла уехали больше часа назад, оставив после

себя две блестящие визитные карточки и некое подобие спокойствия. Нетти с тех пор, похоже, переосмыслила свои первоначальные объятия с Олли и устроилась так, чтобы очутиться как можно дальше от него, не покидая при этом комнаты. Патрик сидит рядом с ней и гладит ее по ноге, искренне, но без эмоций. Из глаз Нетти текут слезы – наворачиваются и падают как будто без малейших усилий или вообще какого-либо участия с ее стороны.

У Олли глаза на удивление сухие. И вообще его реакция – невероятная комбинация замешательства и раздражения: он попеременно то качает головой, мол, «нет», потом кивает, мол, «да», – что бы это ни означало. Странно, но именно нечто подобное испытываю я сама. «Нет, Диана не может быть мертва», а за этой мыслью следует: «Да, она мертва, и это еще не самое худшее на свете». В конце концов, я никогда не скрывала свою неприязнь к Диане. Отношения у нас были бурные. В какой-то момент дошло даже до рукоприкладства. Интересно, узнает ли об этом полиция, когда будет расследовать смерть Дианы?

Пока я достаю мой «чай для гостей» (у меня такое чувство, что Нетти не помешал бы ромашковый), я не могу не думать о том дне, когда умер Том. Нас всех вызвали из дома или с работы в середине утра, чтобы попрощаться, но к полуночи он все еще цеплялся за жизнь. Это был не первый раз, когда нам позвонили. Мы уже дважды слезно с ним прощались, а Том все сражался и сражался, но на сей раз врачи

сказали, что это конец. По-видимому.

По прошествии двадцати четырех часов, пока Том продолжал цепляться за жизнь, Олли спросил у медсестры, нельзя ли дать что-нибудь Тому, чтобы «положить конец его страданиям».

Когда медсестра объяснила, что ничего такого сделать нельзя и что мучения Тома могут продолжаться несколько дней, Олли потянулся за подушкой и объявил, что хотел бы «несколько минут побыть наедине с папой».

Всех слегка залихорадило измученным хохотом – даже Диана, что удивительно, улыбнулась, когда объясняла медсестре, мол, конечно же, ее сын шутит. Но сегодня никаких шуток не будет. Сегодня все бесконечно серьезны и мрачны.

Собрав кружки, я отношу чай в гостиную и протягиваю Нетти кружку, но она как будто не замечает. Через пару секунд Патрик берет кружку и ставит ее на кофейный столик.

– Наверное, еще слишком рано думать о похоронах, – говорю я.

Я, наверное, действительно поспешила, но я больше не могу выносить тишину, а о чем еще мы должны говорить? Нетти пялится в пустой экран телевизора. Олли уперся взглядом в свои ботинки.

Только Патрик смотрит на меня и слегка пожимает плечами.

– Полагаю, это зависит от того, когда нам отдадут тело, – говорит он.

Нетти заметно напрягается.

Я сажусь на подлокотник дивана рядом с Олли.

– Когда это произойдет?

– Думаю, будет вскрытие, – говорит Патрик. – А на это требуется время.

– Но... почему они хотят сделать вскрытие? – спрашивает Нетти.

Она оглядывается по сторонам в полубессознательном состоянии, как будто только что проснулась.

– Полицейские сказали, что должны рассматривать ее смерть как убийство, – объясняет Олли.

Глаза у Нетти расширяются. Все как будто забыли, что мы решили не встречаться взглядами, и пристально смотрят друг на друга.

– Они сказали, что должны изучить возможность убийства, – повторяет слова Олли Патрик. – Они не говорили, что считают это убийством. Мне все показалось довольно ясным. Письмо, те... вспомогательные средства.

– Как по-твоему, о каких средствах идет речь? – спрашивает Олли. В его лице читается недоумение. – О лекарствах? О наркотиках? Или это веревка или пистолет?

– Олли! – восклицаю я.

Нетти так побледнела, что, кажется, вот-вот упадет в обморок. Где-то в соседней комнате звонит телефон Олли. Так поздно позвонить может только Эймон, деловой партнер Олли. Я вздыхаю с облегчением, когда Олли даже не встает,

чтобы взять трубку.

– Если они думают, что это может быть убийством, – говорит Нетти, всматриваясь по очереди в каждого из нас, – они что, будут с кем-то говорить? Проводить расследование?

Патрик опускает взгляд на колени.

– Думаю, им придется.

– Но кого они подозревают? – спрашивает Олли. – Кому понадобилось бы убивать маму?

Происходит это медленно, но один за другим Патрик, Олли и Нетти поворачиваются посмотреть на меня. Я упираюсь взглядом в свой чай.

ЛЮСИ

ПРОШЛОЕ...

– У меня нет ничего взятого взаймы², – говорю я Клэр, моей замужней подружке невесты.

Она сидит в кресле в папиной спальне со своей трехлетней дочкой Милли на коленях. Милли на свадьбе будет нести цветы, эта роль приводила ее в восхищение до тех пор, пока две минуты назад она не поняла, что ей расчешут волосы. Теперь Клэр сжимает Милли между колен, с трудом проводя расческой по кудряшкам, а Милли крутится и вертится так, словно ее щекочут тысячей перьев.

– Оставь ее, – говорю я, наблюдая за ними в зеркало. – У нее и так прекрасные волосы.

– Как получилось, что у тебя нет ничего взятого взаймы? – восклицает Клэр, отпуская Милли и откладывая щетку. – Сегодня же день твоей свадьбы. Кстати говоря, как насчет комплекса сбежавшей невесты? Мне придется выдирать гвозди из оконных рам и седлать лошадь, чтобы ты смогла убежать, как Джулия Робертс?

– Ни малейшего шанса, – говорю я.

– Ты уверена? Я могу попросить кобылу подождать на слу-

² По традиции, невеста в день свадьбы должна надеть что-то новое, что-то старое, что-то позаимствованное и что-то голубое. – *Прим. ред.*

чай, если ты захочешь по-быстрому смыться. Может быть, от свекрови?

Я проверяю, нет ли на зубах следов помады. Оттенок красного, цвета пожарной машины – несколько рискованно для дня свадьбы, но я думаю, что это сойдет мне с рук.

– Может, на всякий случай оставить мотор включенным?

Мы с подругами по косточкам разобрали мои отношения с Дианой, начиная с того, как она назвала меня нормальной, до того, как раз за разом твердила, мол, она мне не мать, во время покупки свадебного платья, до намека на то, что свадебное платье, которое я выбрала, легкомысленное и слишком дорогое. Надо признать, насчет платья она была права. Я знала, что малость увлеклась, но с какой невестой такого не случилось? По крайней мере, я была достаточно взрослой, чтобы это признать! После вспышки со стороны Дианы в свадебном магазине я убедила папу – к ужасу продавщицы, – что мне нужно время, чтобы подумать. На это ушло несколько дней, но я поняла, что Диана права, цена была смехотворно завышена – грабеж среди бела дня, как она и сказала. А несколько дней спустя, просматривая свадебный альбом родителей, я заметила, какое красивое было платье мамы. Не знаю, почему я о нем не подумала. Мне всегда нравилось носить мамину одежду. Не проходило и дня, чтобы я не надевала пальто, шарф или драгоценности из ее коллекции. Просто закутываясь во что-то, что ей принадлежало, я чувствовала себя ближе к ней. В те дни, когда я особенно по ней тоско-

вала, я надевала несколько маминых вещей разом.

Сделав пару шагов назад, я смотрю на свое отражение. Мамино платье – это и есть мое «что-то старое». Шелковое платье цвета слоновой кости семидесятых годов с маленьким вырезом, длинными рукавами, завышенной талией и рядом пуговиц от левого плеча почти до самого подбородка. Когда я попросила папу, он достал его с чердака – платье было любовно завернуто в папиросную бумагу тридцать лет назад. На нем появилось несколько желтых пятен, но они находились на талии, и их легко будет спрятать под широким, мятно-зеленым поясом, который я к нему добавила. Шляпка-таблетка с вуалью-сеткой, которую я в самом деле купила в свадебном магазине, – мое «что-то новое». Сапфировые сережки, которые Олли подарил мне на день рождения, – мое «что-то голубое».

– Так, ладно, – говорит Клэр. – Что-то взятое взаймы. – Она показывает на бриллиантовые серьги в ушах. – Как насчет моих сережек?

– Но сапфиры в серьгах – это «что-то голубое».

– Мои туфли?

Нога у Клэр на полтора размера больше моей. Кроме того, туфли у нее – розовые, под цвет ее платья.

– Моя помада? Заколка?

Клэр старается, но сейчас просто хватается за соломинку. Я уже сделала макияж у визажиста. Волосы лежат свободными волнами и вскоре будут увенчаны шляпкой с вуалью.

Милли, которая сейчас прыгает на папиной кровати, наденет веночек из цветов, как и сама Клэр.

В дверь тихонько стучат.

– Входи, папа, – откликаюсь я.

Несмотря на то что я неоднократно говорила папе, что он может смотреть на меня перед свадьбой, что никакой дурной приметы тут нет, он закрывал глаза всякий раз, когда мы сталкивались сегодня утром. Я жду, что в щели возникнет его милое бородатое лицо с зажмуренными глазами, но дверь остается закрытой.

– Папа? Ты можешь войти.

– Люси? Это Диана Гудвин.

Мы с Клэр переглядываемся. На нас накатывает волна безмолвного ужаса. Диана у двери! Что, скажите на милость, она тут делает?

– Привет, Диана, – произношу я дрожащим голосом. Интересно, почему нет правила, запрещающего свекрови видеться с невестой в день свадьбы? – Ты бы хотела... Ты бы хотела войти?

После короткой паузы дверная ручка поворачивается. В щели приотворенной двери появляется лицо Дианы.

– Мне жаль, что я вот так объявилась. Просто я хочу тебе кое-что дать.

– О?..

Я открываю дверь шире, и Диана энергично улыбается Клэр и чуть менее энергично – Милли, которая замирает в

прыжке на папиной кровати. Малышка в упор смотрит на Диану. У меня возникает такое чувство, что она напугана не меньше меня.

– Дам вам поболтать пару минут, – говорит Клэр, подхватывает Милли и выбегает за дверь.

Диана выжидает, когда они уйдут, а затем переступает порог комнаты.

– Ты выглядишь очаровательно, – говорю я.

Это не пустые слова. Я никогда не видела Диану настолько красивой. На ней темно-синий льняной топ и мягкая голубая юбка до пола. А еще макияж: розовая помада и дымчатые тени, и пахнет от нее, как от букета свежесрезанных цветов. Я вдруг вижу Диану молодой женщиной, прекрасной молодой женщиной, и понимаю, почему рядом с ней Том всегда выглядит таким довольным собой.

– Спасибо, – отвечает Диана. – Ты тоже. Я позвонила сегодня утром твоему отцу, чтобы узнать, не могу ли я чем-нибудь помочь, и он сказал, что у тебя нет ничего взятого взаймы. – Диана достает из сумочки шкатулку из темно-синей кожи, отделанную золотом. – Я надевала его в день моей свадьбы. – Открыв шкатулку, она достает серебряное ожерелье с маленькой плоской витой подвеской. – Это кельтский узел. Он олицетворяет силу. Если он не подходит к твоему платью, можно спрятать его под лифом.

– Он замечательный, – тут же отвечаю я. – И я не стану его прятать. Я буду носить его на шее, чтобы все могли его

видеть.

Диана выглядит настолько довольной, насколько это вообще возможно для нее. Она подходит ко мне сзади, и я поднимаю волосы, чтобы она застегнула ожерелье. Закончив, она указывает на мою шляпку и вуаль:

– Помочь тебе с ними?

– Это... было бы чудесно.

Диана высокая, почти на целую голову выше меня, и когда она закалывает шляпку у меня на виске, я вижу ее глаза. Они суживаются от сосредоточенности, пока она возится с булавкой, поправляет вуаль вокруг моего лица, а затем расправляет складки платья сзади. Конечно, я думаю о матери. Если бы она была здесь, то застегнула бы на мне ожерелье, расправила бы складки платья. В горле у меня встает комок.

– Спасибо, – говорю я, поворачиваясь и обнимая Диану.

Она слегка напрягается, не отвечая на мои объятия и не отстраняясь, но я все равно притягиваю ее к себе. Она худая и угловатая, и мне кажется, что я обнимаю мешок с вешалками.

Через пару секунд я опускаю руки.

– Ладно, – говорит Диана, откашливаясь. – Мне лучше вернуться к Олли.

И на том как будто все. Я стараюсь не думать о том, что она на самом деле не обняла меня в ответ. Но ведь она пришла! Она принесла мне красивое, полное значимости украшение, которое она сама носила в день своей свадьбы. Мы добились

прогресса. И я собиралась это отпраздновать.

Диана направляется к двери, но внезапно останавливается и оборачивается.

– И... да... Люси?

– Да?

– Это ожерелье – «взятое взаймы».

– Знаю, – говорю я.

Я снова смотрю на него в зеркало, поражаясь его совершенству. Трудно поверить, что самая малость – и мне не довелось бы его носить.

– Хорошо, – говорит она, – потому что одолженное полагается возвращать.

Долгая пауза.

– Я это понимаю, – медленно говорю я, и Диана, слегка кивнув, выходит из комнаты.

– Девушки захотят шампанского, – говорит Эймон официантке в черных брюках и накрахмаленной белой рубашке. – Если я что и знаю о девушках, так это то, что они всегда хотят шампанского.

Жена Эймона Джулия с энтузиазмом кивает. Она подзывает официантку и показывает на бутылку «Дом Периньон».

– Прекрасный выбор, – говорит официантка.

Кровь отливает от лица Олли. Еще до нашего приезда он начал нервничать из-за того, во что обойдется этот прием (кормежка Эймона всегда обходились недешево), но когда

мы приехали в «Арабеллу» и увидели белые скатерти и меню без цен... Я понимала, что он в панике. А теперь еще «Дом Периньон». И еще обиднее этот выбор от того, что я на восьмой неделе беременности... а значит, я не могу ни выпить его, ни сказать вслух, что не пью, иными словами, под конец вечера на столе останется невыпитый бокал жутко дорогого шампанского.

– Ну и как продвигаются поиски дома? – спрашивает нас Джулия, когда официантка удаляется. Ее лицо собирается морщинами от беспокойства, как будто она спрашивает о редком заболевании, которое у нас недавно обнаружили. – Знаешь, когда мы покупали наш дом в Южной Ярре, мы пользовались услугами адвоката. Хотите, дадим вам его контакты?

Тот факт, что мы с Олли снимаем дом, бесконечно озадачивает всех друзей и знакомых Олли. В какой-то момент, кажется, все пришли к выводу, что мы просто не можем найти подходящий, ведь все считают, что стоит нам выбрать, как родители Олли сразу выложат денежки. К сожалению, это не так. За год с тех пор, как мы поженились, мы с Олли старательно копили на первый взнос. Сейчас, когда мы оба работаем, то неплохо зарабатываем, но скоро, если все пойдет как надо, я буду сидеть дома с ребенком. И, к сожалению, ни один адвокат по сделкам с недвижимостью не поможет нам, если у нас не будет денег.

Будь дело только во мне, я бы просто указала на тот факт,

что родители Олли не оплачивают его счета, но Олли бывает застенчивым в таких вопросах. Поэтому я ничего не говорю, а только подыгрываю.

– А почему бы и нет? – произносит тем временем Олли. – Не повредит, правда?

Джулия кивает, радуясь, что может помочь, а Эймон возится со своим телефоном, пересылая контакт Олли. Я действительно не способна понять, в какие игры иногда играют друзья Олли, выдавая каждую неудачу или провал за «прекрасную возможность двигаться в новом направлении». Как бы мне хотелось посмотреть на лица Эймона и Джулии, если бы мы сказали: «На самом деле мы сейчас едва-едва наскребаем на квартплату, и я могу гарантировать, что ваш адвокат по недвижимости и близко не подойдет к районам, которые мы сейчас присматриваем! Ха-ха-ха!»

– И вообще, – говорит Эймон, засовывая телефон обратно в карман пиджака, – вернемся к суперфудам!

С тех пор как мы пришли, Эймон тщетно пытается объяснить Олли свою новую бизнес-идею. Всякий раз, когда я вижу его, Эймон носится с новой бизнес-идеей, утверждая, что это самый писк, будущий тренд и хвататься за него надо как можно скорее. Какое-то время у него была франшиза по производству спреев для загара, потом делал детские наборы для снятия отпечатков пальцев. По словам Олли, дела у него шли с переменным успехом, но в чем в чем, а в упорстве ему не откажешь. Мне просто очень хотелось, чтобы он

перестал обсуждать это в малейших подробностях за ужином, когда всем понятно, что Олли полностью сосредоточен на том, чтобы выяснить, как мы можем уйти из ресторана, потратив меньше пяти сотен баксов.

– Смузи заменяет полноценный прием пищи и под завязку набит суперфудами. Свежий продукт доставляется к вашей двери в пакете с застежкой, достаточно вставить его в ваш «НутриБлок», и вуаля!

Я моргаю.

– Так, значит... фрукты и овощи? В пакетах? И это все?

– Не фрукты и овощи. – В голосе Эймона слышатся нотки триумфа. – Сбалансированное питание. Можно выпить не отходя от рабочего стола и назвать это ланчем.

– Вроде протеиновых коктейлей?

– Но не с какой-то там химией, а со свежими продуктами.

Суперфуды.

С тех пор как мы пришли, Эймон по меньшей мере семнадцать раз произнес слово «суперфуд», и я ловлю себя на том, что мне отчаянно хочется спросить, что такое «суперфуд», потому что я подозреваю, что он сам этого не знает. Но опять же ради Олли, который дружит с Эймоном с детского сада и их родители знакомы, я заставляю себя сдержаться.

– Как интересно. Ну удачи! – произношу я вслух.

А удача ему понадобится.

Но Эймон меня не слушает, он слишком сосредоточен на Олли.

– А как у тебя дела, старина? Как дела в мире поиска персонала?

– На подъеме. Вообще-то на прошлой неделе сделали отличный подбор. Одному малому по имени Рон шестьдесят лет, и он уже полгода был без работы. А ему очень нужно было поработать еще пять лет, прежде чем он сможет выйти на пенсию, но все говорили ему, что у него нет надежды, потому что у него узкая специализация на системе, которая уже устарела. Я пообещал, что найду что-нибудь, а потом вдруг – ба-бах! – на прошлой неделе я нашел клиента, который свою систему управления кадрами переводит на новые рельсы. А работал он на той самой платформе, которую Рон практически написал в восьмидесятые. Рон теперь глава отдела преобразования. И Рон, и клиент едва поверили в свою удачу.

Олли сияет. Мне нравится видеть его таким. Его хлебом не корми – дай подобрать подходящего кандидата на подходящую работу, – особенно в таких трудных случаях. Он взаправду слушает, что говорят во время собеседования кандидаты, и к тому времени, когда они уходят, они становятся друзьями. К сожалению, это качество, этот актив редко получает вознаграждение в отрасли, которая ценит целеполагание и выполнение задач, и по этой причине большинство коллег Олли давно опередили его и ушли в менеджмент, а он все так же остается на своем месте и мучается, подбирая работу таким, как Рон.

– Круто, круто, – говорит Эймон. – Но ты ведь там уже

давно, верно? Ты не думал о том, чтобы немного расправить крылья? У тебя теперь довольно ценные связи. Мир у твоих ног. Не можешь же ты вечно работать на чужого дядю.

Эта маленькая речь явно отдает подвохом, этот человек чего-то хочет. Я вся внутри сжимаюсь.

– Ладно, выкладывай, – говорит Олли, явно истолковав речь Эймона так же, как и я. – Ты хочешь, чтобы я вошел в твой бизнес, в этом все дело? Или хочешь, чтобы я начал с тобой новый? Или инвестировал в какой-то еще бизнес?

Эймон пытается сделать оскорбленное лицо.

– Разве человек не может интересоваться карьерой закадычного друга? Но... раз уж ты об этом упомянул, я, возможно, ищу делового партнера. – Он ухмыляется.

– В бизнесе по производству смузи?

– Заменителей еды, – поправляет Эймон. – С суперфудами!

– И чем я тут могу тебе помочь? – спрашивает Олли.

«Ты мог бы дать денег, – произношу я про себя. – Вернее, твой отец мог бы». Вот что на уме у Эймона.

– Ты недооцениваешь себя, приятель, – говорит Эймон. – Ты мог бы стать ценным приобретением для любого бизнеса. Ты человек с характером, ты умеешь общаться с людьми. Такие в любом бизнесе нужны.

Олли не отвечает сразу, и на какой-то ужасный момент мне приходит в голову: а вдруг он обдумывает, не присоединиться ли к Эймону в этом его бизнесе по производству

коктейлей. Я смотрю на мужа. Кажется, он глубоко задумался. Но предложение Эймона не требует даже минутного размышления. Так ли это? А что, если... что, если я что-то упускаю? Что, если Олли не доволен своей работой? Но он же только что говорил, как нашел место для шестидесятилетнего Рона? Уж конечно, человек, который доволен своей работой, не станет задумываться о том, чтобы сменить карьеру, только потому, что его друг предложил это за ужином?

– Вы все успели изучить в меню? – говорит официантка, появляясь у столика.

Но никто из нас этого не сделал. Я старательно избегала на него смотреть, боясь увидеть цены. Но внезапно дороговизна в «Арабелле» показали мне наименьшей из наших забот.

– Позвольте, расскажу вам о фирменных блюдах? – предлагает официантка в ответ на наше молчание. – Сегодня у нас отличные трижды проваренные свиные желудки, а из рыбы – голубой тунец под корочкой из пармезана.

– Дайте нам несколько минут, – говорит Эймон официантке, не сводя глаз с Олли. У него практически слюнки текут, он готов наброситься как стервятник. Глаза Олли устремлены в потолок, губы сжаты, как будто он действительно всерьез задумался.

– Олли, – говорю я, отчаянно пытаюсь вмешаться, прежде чем он скажет что-нибудь непоправимое.

– Вот никак не могу решиться, – произносит мой муж. – Свинина или рыба?

– Свинина или рыба?! – взрывается Эймон. – Я думал, мы про суперфуды говорим!

– Что? – Олли хмурится. – А, твои смузи. Нет, послушай, я желаю тебе процветания, но правда же, приятель, мешать бизнес с удовольствием? Это же плохая идея? Это всем известно.

Я чувствую, как рука Олли сжимает под столом мою коленку, и выдыхаю. У моего мужа есть гордость, но он не глуп. Может быть, когда дело доходит до денег, Олли умнее, чем я думала.

ЛЮСИ

НАСТОЯЩЕЕ...

На следующий день я сосредотачиваюсь на детях. Несмотря на то что вчера вечером появилась полиция, дети поглощены собой и, похоже, не подозревают, что случилось нечто дурное, хотя Эди разрешили слопать семь пакетиков мармеладок (обычно можно не больше двух в день), а Арчи и Харриет не повезли на карате и гимнастику, не отлучили силой от мобильных устройств в субботу в полдень. Но теперь мы должны им сообщить. Мы не можем сказать им, как Диана умерла, но, по крайней мере, мы можем сообщить, что она мертва. Мы можем сказать, что пока не знаем почему, что этим занимаются врачи. Это их удовлетворит. Честно говоря, они, вероятно, довольствовались бы объяснением «она была очень старой».

Я смотрю на Олли. Вчера он не хотел признавать, что это правда, а сегодня, кажется, перешел к следующей стадии горя, какой бы она ни была. За все утро он не проронил ни слова, если не считать странных эмоциональных всплесков. Как, например, когда несколько минут назад, когда Харриет – посреди спонтанного пируэта – поскользнулась на подушке и полетела буквально кувырком. Она упала на пол навзничь, лицом к потолку и тут же подняла вой. Олли смотрел на нее

секунду или две, потом непонятно почему расхохотался. К тому времени как я подбежала к Харриет, он буквально сгибался пополам от смеха.

Горе.

Я ловлю взгляд сидящего на диване Олли и произношу одними губами: «Давай скажем им сейчас». Я почти уверена, что он продолжит смотреть в пространство, но он кивает, берет пульт и выключает телевизор.

– Эй! – кричит Арчи.

Харриет и Эди буравят нас взглядами. Я сажусь на подлокотник дивана, и дети снова переводят взгляд на телевизор – им комфортнее с экраном, чем с живыми человеческими лицами.

– Дети, мы должны вам кое-что сказать.

– Что? – стонет Арчи, бросая джойстик от приставки.

– У нас печальные новости.

Арчи и Харриет резко оборачиваются. «Печальные новости». Теперь мы привлекли их внимание. Они достаточно смотрели детских фильмов (это только мне так везло или во всех детских фильмах, черт бы их побрал, родители умирают?), чтобы знать, что такое печальные новости.

Когда умер Том, дети были безутешны. Арчи снова начал мочиться в постель, а у Харриет случались приступы паники, если Олли хоть немного опаздывал с работы. («Он умер?» – спрашивала она, вытаращив на меня маленькие глазки, которые вдруг казались размером с блюдца.) Эди, конечно, то-

гда ничего не поняла, но на этот раз все по-другому. Она обожает Дидо (дурацкое имя, но Диана настаивала, чтобы ее так называли). Все они любят Дидо. Любили Дидо.

Я делаю глубокий вдох.

– Дидо вчера умерла.

Харриет реагирует первой, испуганно охает. Ее руки взмывают, образуют шатер вокруг рта, и она громко вдыхает и выдыхает. В этом есть что-то фальшивое, словно она производит то, что видела по телевизору.

Арчи еще не отреагировал, поэтому я сосредотачиваюсь на нем.

– Ты меня слышал, приятель?

Арчи кивает. Выражение лица у него мрачное, но более сосредоточенное, чем если бы, скажем, я сказала ему, что ему нельзя мороженое на десерт.

– Дидо умерла, – повторяет он, понурившись.

Отняв руки от лица, Харриет раздражается смехом.

– Дидо дала дуба! – распевает она. – Дидо дала дуба.

Она валится на пустой диван и хохочет так, что ей приходится схватиться за живот.

– Нет тут рифмы, дуручка, – говорит Арчи.

– А вот и есть.

– Нету.

– А вот и есть!!!

– Дети, – вмешиваюсь я, – вы понимаете, о чем я говорю?

Помните, как умер Большой Па? Он тогда улетел на небеса,

и мы его больше не видели. Ну... теперь умерла Дидо.

Харриет снова смеется.

– Ну прости! Просто смешно звучит.

Арчи издает смешок. Эди, конечно, присоединяется, хотя понятия не имеет, что происходит.

– Разве вам не грустно, что Дидо умерла? – спрашивает Олли с чуть заметной гнусавостью.

Я поворачиваюсь к нему, внезапно испугавшись, вдруг он сейчас заплачет. Ничего дурного в этом нет, но момент не самый удачный. Дети тоже замечают интонацию, и один за другим перестают смеяться.

– Да, – говорит Арчи, но в его голосе нет грусти.

Похоже, он знает, что именно так полагается говорить. Арчи как раз такой исполнительный. Эди смотрит на свои ноги, разглядывая то место, где из дырки в носке выглядывает большой палец. Харриет закатывает глаза и изучает ногти, покрытые облупившимся леденцово-розовым с блестками лаком для ногтей.

– А мне не грустно, – бормочет она.

Я хмурюсь.

– Почему тебе не грустно, Харриет?

Она пожимает плечами:

– Дидо была с тобой подлой. Мне не нравятся люди, которые плохо обращаются с моей мамой.

Мы с Олли переглядываемся.

– Теперь, когда ее нет с нами, будет гораздо лучше, прав-

да, мама? – продолжает Харриет.

Вскочив с дивана, она взмахивает руками, вероятно собираясь совершить еще одно па. Но оступается и на сей раз приземляется носом в пол. И воет от боли. Эди визжит. А Арчи – с задержкой реакции – внезапно раздражается слезами.

ДИАНА ПРОШЛОЕ...

Остановившись на светофоре, я смотрю на огромного плюшевого мишку на пассажирском сиденье. Вполне очевидно, что купил эту нелепую игрушку Том и, как будто этого недостаточно, настоял, чтобы я отвезла ее в больницу и отдала Люси.

– Зачем, скажи на милость? – спросила я по телефону. – Маловероятно, что Арчи будет с ним играть в ближайшие несколько дней!

– Это наш первый внук, – ответил муж. – Кроме того, Люси будет приятно.

Возможно, он был прав. То, как идеально он понимал психологию нашей невестки, производило почти такое же впечатление, как мое непонимание. Люси родила Арчи рано утром, после недолгих, несложных родов. Том хотел поехать в больницу, как только мы услышали новости, но мне удалось убедить его пойти на работу на пару часов, чтобы дать им немного времени побыть наедине с ребенком. Но теперь даже мне не терпится туда попасть. Том поедет прямо с работы, и я встречусь с ним уже в больнице.

На светофоре загорается зеленый, и одновременно у меня звонит телефон. Я тычу на кнопку на руле, и наконец соеди-

нение установлено. (Обычно, отправляясь по делам, я беру свой маленький «Форд Фиеста», но сейчас он на техобслуживании, поэтому пришлось взять «Рэндж Ровер», а чтобы управиться с этой машиной, нужна степень по механике.)

– Алло?

Салон машины заполняет звук прерывистого дыхания.

– Миссис Диана?

Я сразу узнаю голос.

– Гезала?

Двадцатидвухлетняя беременная Гезала находится в Австралии вот уже пять месяцев с тех пор, как ей удалось выбраться из Афганистана. За последние недели я несколько раз ее навещала, чтобы привезти коляску, колыбельку и одежду для новорожденных, и каждый раз Гезала ставила чайник, и мы устраивались по старинке поболтать. Гезала плохо говорит по-английски, и разговоры часто сводятся к перечислению того, что она ела на завтрак, какой будет погода на этой неделе, что она смотрела по телевизору... и тем не менее я всегда наслаждаюсь их простотой.

– Миссис Диана? – Снова тяжелые вздохи и пыхтение. – Маленький.

Съехав на обочину, я мысленно прикидываю даты. На несколько недель раньше срока, не опасно рано, но рано. И у Гезалы в Австралии нет ни семьи, ни друзей. Хотя ее муж Хакем в стране, но какой от него прок как от партнера при родах, пока неизвестно.

– Тебе нужно в больницу, Гезала. Помнишь, я дала тебе ваучер на такси? Вызови такси и заплати водителю ваучером. Гезала? Ты помнишь про ваучер?

Я слышу, что на том конце снова схватки, и переживаю. Меня беспокоит, что она не в силах говорить, и я думаю, не вызвать ли «Скорую».

– Гезала, – повторяю я, когда пыхтенье замирает. – У тебя есть ваучер на такси?

– Я... Я не знаю.

Похоже, она на пределе. Не думая о том, что делаю, я разворачиваюсь и направляюсь к ее дому, но до него добрых двадцать минут езды.

– Где Хакем, Гезала?

– На улице.

Я подавляю желание закричать: «Что он делает на улице?» – и только спрашиваю:

– Насколько сильная боль? От одного до десяти.

– Боль... четыре.

Но у меня такое чувство, что четыре у Гезалы – это одиннадцать для большинства женщин. Ее следующий вдох переходит в сдавленное дыхание очередной схватки.

– Гезала, я сейчас вызову «Скорую помощь».

– Нет, – говорит она. – А вы мочь... вы приехать, миссис Диана?

– Я как раз еду к твоему дому. Гезала...

Но телефон отключается. И когда я звоню снова, слышат-

ся только гудки.

На дорогу до ее дома уходит двадцать пять минут, а когда я добираюсь туда, Хакем стоит во дворе и курит сигарету. Он, наверное, полжизни проводит в их маленьком заросшем дворике, куря сигареты. Я выскакиваю из машины и бегу к дому.

– Хакем? Где Гезала?

Он мотает головой в сторону дома:

– Внутри.

– Внутри? Почему ты не с ней?

Он смотрит на меня так, будто я предложила ему заказать отпуск на Багамах. У меня возникает ощущение, что он намеренно делает вид, будто не понимает, что к чему.

– Ты вызвал «Скорую помощь»?

Он отворачивается, затягивается сигаретой.

– Вы, возможно, считаете себя нашей спасительницей, но вы ничего не знаете. Вы не такая, как мы. Не такая, как Гезала.

– Хакем. Вы. «Скорую». Вызвали? – отдельно спрашиваю я сквозь стиснутые зубы.

Он делает шаг ко мне. Белки глаз у него желтые, с красными прожилками.

– Нет. Я. Не. Вызвал!!!

Хакем коренастый и на добрых тридцать лет моложе меня, но в росте я не уступаю ему ни дюйма. Расправив плечи, я встаю прямо перед ним.

– Не пытайтесь запугать меня, молодой человек. Обещаю вам, вам же не поздоровится.

Конечно, это неправда. Это мне не поздоровится, сильно не поздоровится, но если я чему и научилась в жизни, так это тому, что войны выигрывают умом, а не мускулами. А поскольку я твердо решила, что Гезала произведет на свет здорового ребенка, то будь я проклята, если этого не добьюсь.

Я все еще стою нос к носу с Хакемом, когда он поднимает руки в знак поражения.

– Вызови «Скорую», – говорю я, когда между нами захлопывается дверь из сетки.

– Сейчас же!

Гезалу я нахожу на кафельном кухонном полу, под спиной – подушки. Я оскальзываюсь на луже и едва не падаю, охая, увидев, что уже показалась голова ребенка. Когда Гезалу охватывает дрожь, до меня доходит, что нет времени на «Скорую», и я падаю на колени. Она издает громкий стон, и я едва успеваю схватить кухонное полотенце, как Гезала выталкивает мне на руки своего мальчика, розового, окровавленного и извивающегося. Я заворачиваю его в полотенце и энергично растираю, пока он не издает пронзительный, восхитительный крик.

Крик переносит меня в другое время. Односпальная кровать, лунный свет струится в окно без занавесок. Следом хлопком возникает ощущение, будто что-то лопнуло. Мое дыхание облачком клубится в комнате.

Хакем ошибается, я ничем не отличаюсь от Гезалы. Мы совершенно одинаковые.

ЛЮСИ**ПРОШЛОЕ...**

– Куда она запропастилась?

Том перекладывает новорожденного Арчи на другое колено и смотрит на часы. Диана еще час назад должна приехать в больницу, и Том говорил, что у нее для меня сюрприз (но выдержал не больше тридцати секунд и разболтал, что это гигантский плюшевый мишка). Теперь он буквально ерзает на месте, так ему не терпится подарить игрушку внуку, которому всего шесть часов от роду. Благослови его Бог.

С тех самых пор, как я сообщила о своей беременности, Том стал для меня образом преданного дедушки: падал на колени каждый раз, когда я приезжала их навестить, чтобы «поговорить» с моим животом, или протягивал руку, чтобы почувствовать, как ребенок пинается. Диана отчитывала его, мол, «оставь девочку в покое, дай ей продохнуть», но я не возражала. На самом деле мне больше нравился тактильный подход Тома, чем манера Дианы, которая предпочитала практически не упоминать о ребенке. Конечно, я приготовилась к тому, что моя беременность вряд ли станет связующим звеном между мной и Дианой, и все равно была разочарована, обнаружив, что она не привнесла ни малейшего тепла в наши отношения.

Когда на моем телефоне звонит будильник, сигнализируя о том, что прошло три часа с момента последнего кормления Арчи, я поправляю подушку на коленях и жестом подзываю Тома. Он послушно приносит мне Арчи с такой осторожностью, точно ребенок стеклянный, потом снова пятится, театрально отводя глаза, пока я вожусь с лифчиком.

– Где же она может быть? – бормочет Том, снова глядя на телефон.

– Пробки? – подсказывает Олли.

Растянувшись рядом со мной на больничной койке, он смотрит футбол по телевизору, но каждую минуту или около того бросает взгляд на Арчи, словно проверяя, не исчез ли он.

– Я ей дважды написал, – откликается Том. – Надеюсь, она не попала в аварию.

Я подношу Арчи к груди и пытаюсь заставить его взять в рот сосок, но малыш все еще крепко спит. Я легонько дую ему в лицо, как показывала медсестра, но без толку.

– Может, позвонишь ей? – говорю я. – Хотя бы ради собственного спокойствия.

Дело в том, что мне тоже не терпится увидеть Диану. У меня тянущие боли после родов, на глаза странно наворачиваются слезы, и в палате слишком уж много тестостерона. Перед приездом Тома меня навестил папа, и, хотя мне нравится, что вокруг столько мужчин, я тоскую по материнской фигуре, по кому-то, на кого можно опереться.

А еще в глубине души я с болью осознаю, что это наш последний шанс, наш с Дианой. Если она не станет теплее относиться ко мне после того, как я родила ее первого внука... Какая еще надежда у нас осталась?

– Да, – соглашается Том. – Да, ладно. Сейчас позвоню.

Том уже тянется к телефону, как вдруг в дверях появляется она сама. Мы все смотрим на нее, потом всматриваемся внимательней. Она выглядит взволнованной... Нет, она выглядит как жертва катастрофы. Колени ее льняных штанов мокрые и грязные, а льняная рубашка измята. Я никогда не видела Диану такой растрепанной.

– Ди! – восклицает, вставая, Том. – С тобой все в порядке?

– Я в порядке. Простите за опоздание, у меня был... Ну не важно, теперь я здесь. О! – Она останавливается в нескольких шагах от кровати и резко вдыхает. – Вот и он!

Арчи не выказывает никаких признаков пробуждения или желания есть, поэтому я поворачиваю его лицом к бабушке. Я улыбаюсь.

– Вот и он.

Несколько мгновений Диана стоит как вкопанная. Может, воображение играет со мной злую шутку, но мне кажется, что глаза у нее чуть затуманиваются. От этого и мне хочется заплакать.

– Хочешь его поддержать? – спрашиваю я.

Диана несколько секунд молчит, потом все так же молча кивает. Потом моет руки – аккуратно и тщательно – и подхо-

дит к моей кровати. Я протягиваю ей Арчи, и она мягко забирает его у меня, пристраивает крошечную головку на сгибе локтя.

– Ну приятно познакомиться, молодой человек, – тихо говорит она. – Очень приятно.

Поднявшись со стула, Том встает рядом с Дианой, глядя на Арчи.

Царит полная тишина, которую нарушает только блаженный звук дыхания Арчи. На несколько мгновений я чувствую себя комфортно, всеми любимой.

– Где плюшевый мишка? – спрашивает у Дианы Том.

– О... – Диана поднимает глаза, внезапно ей снова не по себе. – На самом деле моя... подопечная... она... так уж вышло... сегодня родила. Вот что меня задержало. И...

Воцаряется долгая напряженная тишина. У Тома отвисает челюсть.

– У нее не было игрушек для ребенка, и, наверное... я просто...

Не знаю почему, ведь у меня нет особой привязанности к плюшевым мишкам, и, уж конечно, я не думаю, что Арчи нужен плюшевый мишка, когда ему всего один день от роду, но по какой-то причине то, что Диана отдала его плюшевого мишку... ощущается как нечто глубоко личное. Предательство.

– Мы купим Арчи другого, – наконец говорит Диана.

– Да, – соглашается, приходя в себя, Том. – Конечно, ку-

пим. Прямо сегодня. К вечеру уже привезем!

– Ребята, ребята! – вмешивается, поднимая руки, Олли. – Успокойтесь. Арчи не нужен огромный плюшевый мишка, и уж точно не прямо сегодня. – Он улыбается, наслаждаясь тем, какой он разумный, какой он миротворец. – Я бы сказал, что мишке гораздо лучше у твоей беженки и ее малыша. Нам все равно некуда положить гигантского плюшевого мишку, правда, Люси?

Все оборачиваются и смотрят на меня. Я опускаю глаза.

– Я лучше возьму Арчи, – говорю я, забирая моего спящего мальчика из рук Дианы. – Его пора покормить.

ДИАНА ПРОШЛОЕ...

Сделав глубокий вдох на пороге дома Олли и Люси, я энергично стучу. Энергичность и живость – попытка противостоять сомнениям, которые меня уже охватили. Арчи исполнилось две недели. Как отнесется Люси к тому, что я появилась без предупреждения? Ей будет неприятно? Кто знает? Том несколько раз заглядывал, конечно, ни разу не спросив, будут ли ему рады. Подобная уверенность в себе – уже залог успеха. А мои сомнения и неуверенность, похоже, залог неудачи.

По правде говоря, думаю, я держалась в стороне как раз из-за того проклятого медведя. Когда я отдавала его Гезале, это казалось абсолютно правильным. Этот мишка, вероятно, будет лучшей игрушкой, которую ребенок когда-либо получит. Возможно, даже единственной. И когда я отдавала его Гезале и смотрела, как она плачет, игрушка вдруг перестала казаться такой глупой.

Я должна была догадаться, что Том расскажет Люси и Олли про мишку. Когда я пришла в больницу с опозданием и с пустыми руками, признаюсь, я чувствовала себя виноватой. Ради моего первого внука мне следовало бы больше постараться. Ради Люси мне следовало бы больше постараться.

Значит, сегодня я постараюсь.

Я снова стучу в дверь, хотя в глубине души мне хочется вернуться в машину и уехать домой. Но что тогда делать с курицей? Я с сомнением смотрю на нее, сырую и тяжелую в синем пластиковом пакете. Люси, вероятно, дремлет или отдыхает, пока ребенок спит. Если ребенок спит. По словам Олли, Арчи с самого рождения не сомкнул глаз. Патронажная медсестра сказала, что у него колики. Меньше всего в такой ситуации Люси хотелось бы, чтобы неожиданно объявилась свекровь.

Следовало бы обратиться отсюда со своей курицей.

– Диана?

Я поднимаю глаза. В дверях стоит Люси, одетая в серый спортивный костюм и пушистые розовые тапочки. Несмотря на ее быструю улыбку, ясно, что она не рада меня видеть. Арчи лежит у нее на плече и плачет.

– Какой сюрприз, – говорит Люси, смахивая с лица несколько прядей.

– Да. Я... э... просто привезла тебе курицу.

Я сознаю, что это странный подарок, я же не идиотка. Но когда Олли был маленьким, кое-кто принес мне домой курицу, и это был один из самых разумных и полезных подарков, какие я когда-либо получала. Это было до эпохи «Убера» и прочих доставок на дом, в те времена от самой мысли о том, что надо одеваться и брать ребенка с собой в супермаркет, опускались руки. Сегодня я подумала, что, наверное,

расскажу Люси эту историю. Ну не знаю... это могло бы стать семейной традицией Гудвинов или чем-то вроде того – приносить курицу женщине, которая недавно родила. Но в данный момент это представляется сущим идиотизмом.

– О... – откликается она. – Ну, может, войдешь?

Я следую за ней в дом, отмечая пятно отрыгнутого молока на плече у Люси и еще одно ниже по спине. Арчи тянет вверх маленькие ручки, и мне хорошо видно его рассерженное личико, а он заводит вой. Милый мальчик.

Гостиная великолепно грязная. На полу валяется пакет, из которого высыпался попкорн, на журнальном столике миска с хлопьями, молоко в которой свернулось. Повсюду разбросаны пакеты детских салфеток, мешки для пеленок и грязная посуда. Я замечаю, что в углу валяется грязный подгузник, свернутый в комок, но не убранный в мешок. От меня требуется все самообладание, чтобы не охнуть.

– Я вчера вечером убиралась, – оправдывается Люси, – но просто... Арчи был так несчастен... у него колики... и у меня просто не было времени...

– Я все сделаю, – говорю я, потому что, правду сказать, не могу больше оставаться в этой грязи ни минуты. Не говоря уже о том, что в отличие от светской беседы в уборке я кое-что смыслю. Кроме того, Арчи явно голоден, и его крик похож на скрежет гвоздей по классной доске. – Садись и покорми ребенка.

– Ну если ты уверена...

– Уверена.

Положив курицу на кухонный стол, я принимаюсь за работу. Сворачиваю и убираю в мешок подгузник и выношу мусор на улицу, затем собираю грязные кружки и тарелки и несу их на кухню. Понятия не имею, как они могут так жить. В последний раз, когда я приезжала (кажется, на день рождения Олли), тут все блестело и сверкало, как в доме из телепередачи, вплоть до цветов, диванных подушек и негромкой музыки. Бедняжка Люси весь день в поте лица трудилась на кухне, готовя самый нелепый вьетнамский банкет. Я предложила просто заказать еду на дом, но Люси настояла. Она сказала, что хочет попробовать какой-то новый рецепт.

Боже ты мой...

Я опустошаю и загружаю посудомоечную машину и уже собираюсь включить ее, когда замечаю кое-что в духовке – полдюжины старых куриных наггетсов. Наггетсы твердые как камень.

В этом вся Люси, думаю я про себя. Пир или голод.

Люси появляется позади меня, когда я вытаскиваю поднос с наггетсами из духовки.

– О! Наверное, это Олли... боже мой... он вечно ставит что-то в духовку, а потом забывает об этом. О нет, дай я.

Она выхватывает противень у меня из рук. Арчи кричит у нее на плече. Мне хочется сказать, мол, разбирайся с ребенком, а я разберусь на кухне, но я уже попробовала, и это явно не сработало. Так что же мне делать? Проблема в том,

что свекрови так легко сделать неверный шаг. Такое впечатление, что существует бесконечный список неписанных правил. Будьте заинтересованы, но не давите. Поддерживайте, но не переступайте черту. Помогайте с внуками, но не присваивайте их себе. Поделитесь мудростью, но не досаждайте советами. Очевидно, я этот список не освоила. Сам груз требований настолько пугает, что страшно даже пытаться. А самое обидное – что свекор как будто всегда прав и все делает как надо. От него требуется только быть приветливым. И все. Люди к собакам предъявляют больше требований.

Арчи все еще воеет, подтягивая свои маленькие ножки к животу, а Люси сражается с противнем. Оказавшись так близко к Люси, я вижу, насколько же она измучена. У нее прыщи на подбородке, и, надо сказать, от нее попахивает. На футболке у нее застарелое пятно... судя по виду, от соуса для спагетти.

– Люси, пожалуйста, позволь мне, – говорю я. В моем голосе слышится мольба, чем я совсем не горжусь. – Садись и покорми ребенка. Давай же!

Вероятно, я произнесла это правильно, потому что Люси кивает и исчезает в гостиной. Я делаю глубокий вдох. У меня так редко что-то получается с Люси, и не потому, что я не пытаюсь. Я пыталась, когда в день ее свадьбы одолжила ей мое самое дорогое сокровище, мое кельтское ожерелье. Моя свекровь Лилиан дала его мне взаймы, когда я выходила замуж. Узел служил символом силы, и Лилиан купила

его, чтобы оставаться сильной и стойкой, пока ее муж, отец Тома, был на войне. По завещанию, она оставила его мне с припиской: «Ради силы». Теперь мне приходит в голову, что, возможно, мне следовало рассказать эту историю Люси, когда я одалживала ей ожерелье. Какая же я глупая...

– Он весь день беспокоится? – спрашиваю я Люси, закончив убираться на кухне.

Я принесла ей чашку чая, которую поставила на журнальный столик. Арчи лежит у нее на коленях, красный и плачущий, несмотря на то что его накормили.

– Каждый день, – отвечает она. – И каждую ночь.

– А укропную воду пробовала? – Я сажусь рядом с ней. – Когда Олли был маленьким, она всегда ему помогала, когда у него были газы.

– Пробовала. Я все перепробовала.

– Можно?

Люси беспомощно пожимает плечами:

– Почему бы и нет?

Взяв Арчи, я кладу его вертикально ей на грудь, так, чтобы его голова оказалась под подбородком Люси. Затем я крепко похлопываю его по середине спины. Почти сразу же он рыгает – издает громкий и гулкий, как из бочки, звук, совершенно не соответствующий его крохотным размерам. Признаюсь, это невероятно приятно. С мгновение кажется, что Арчи сейчас снова заплачет, но потом он закрывает глаза и тут же засыпает.

– Ну вот, – радостно говорю я.

Люси смотрит на меня так, словно у меня открылся третий глаз.

– Как ты это сделала?

– Заставила срыгнуть? – Я во все глаза смотрю на невестку. – Боже, Люси. Скажи, что заставляла ребенка срыгивать!

Глаза Люси наполняются слезами. Мысленно я даю себе пинка.

– Так вот, – поспешно говорю я. – Он должен срыгивать после каждого кормления. Иногда даже во время кормления. Иначе газы не выходят, а от них у него болит животик.

– Ладно, – кивает она. Как будто никто раньше не давал ей материнских советов. – Хорошо, я буду так делать.

– Молодчина. А теперь положи его в кроватку и отправляйся спать. Я просто включу посудомоечную машину и сама за собой дверь закрою.

Вид у Люси делается удивленной.

– Но... разве ты не собираешься... остаться ненадолго?

На это я знаю правильный ответ. Никто не хочет, чтобы свекровь задерживалась надолго. Ребенок спит, в доме прибрано. Сейчас самое время уходить. Я во многом сомневаюсь, но в этом я абсолютно уверена.

– Нет-нет. У меня уйма дел. Мне надо бежать.

Я собираю свои вещи и включаю посудомоечную машину. И только когда я выскакиваю за дверь, до меня доходит, что я так и не объяснила значение курицы.

ЛЮСИ**НАСТОЯЩЕЕ...**

За три дня, прошедшие со смерти Дианы, я ни разу не готовила, не стирала и не ходила в супермаркет. Я не ругала детей, не помогала никому с домашним заданием и не прятала овощи под соусом для спагетти. Я вообще ничего нормального не делала. Мы словно бы застряли в пустоте без времени и движения, а остальной мир рассеянно и равнодушно продолжал жить своей жизнью.

Сегодня старшие дети вернулись в школу, но Олли так и не пошел на работу. Это сюрприз, даже в свете смерти его матери. За последние два года мой до того не слишком честолюбивый муж превратился в трудоголика, отправлялся на работу по выходным, по вечерам и в праздничные дни. Теперь он сидит на диване рядом с Эди, уставившись в пустоту, словно в каком-то трансе. Время от времени я подхожу к нему и говорю, как мне жаль и как бы мне хотелось что-то сделать. И каждый раз я задаюсь вопросом: «А действительно ли я хочу?»

Я иду на кухню, решив, что пришло время прибраться и восстановить некое подобие порядка. Это самое меньшее, что я могу сделать. На углу стола лежит груда нераспечатанной почты, поэтому я начинаю с нее, вскрываю каждый кон-

верт ногтем большого пальца и, расправляя, складываю бумаги стопочкой.

Первый документ – банковское уведомление. Как правило, я не просматриваю банковские уведомления: поскольку на мне груз родительских обязанностей, я только рада, что могу взвалить на Олли возню с финансами (это не столько сексизм, сколько справедливое распределение ответственности). Но когда мой взгляд падает на цифру в конце страницы – в колонке задолженность, а не прибыль, – я невольно вздыхаю. Мой взгляд резко перепрыгивает к началу страницы, где в шапке значится «Кокрэм Гудвин». «Кокрэм» – это, разумеется, фамилия Эймона, делового партнера Олли. Как, скажите на милость, они могли столько задолжать? И, что еще важнее, почему Олли не сказал мне об этом?

Я открываю рот, чтобы спросить мужа, но не успеваю я заговорить, как раздается стук в дверь. Я смотрю на Олли, но он едва замечает, он слишком погружен в свою пустоту.

– Я открою, – говорю я без всякой надобности.

Когда я открываю дверь, то вижу на пороге двоих: не в форме, но явно полицейские. Это подсказывает мне интуиция, а еще об этом свидетельствует значок, который предъявляет женщина.

– Я старший детектив-констебль Джонс, – говорит она. – Это детектив-констебль Ахмед.

– Привет, – говорю я.

Это уже не Саймон и Стелла, молодые румяные поли-

цейские, которые сообщили нам о смерти Дианы. Детективу Джонс за сорок, она худощавая, среднего роста. У нее привлекательное, хотя и немного мужское лицо и каштановые с золотистыми перышками волосы до подбородка. Одета она просто и практично: белая рубашка и темно-синие брюки, достаточно облегающие, чтобы предположить, что она гордится своей фигурой.

– А вы кто? – спрашивает она.

– О... Я... э-э-э... Люси Гудвин.

– Ага, невестка, – кивает Джонс. – Сочувствую вашей утрате.

Ахмед склоняет голову. На макушке волосы у него редуют, и сквозь копну черных волос виден круг светло-коричневой кожи.

– Можно войти? – спрашивает Джонс.

Я делаю шаг назад от двери, и Джонс с Ахмедом входят в холл.

– Симпатичное местечко, – говорит Джонс.

– Спасибо, – отвечаю я, хотя не такое уж оно симпатичное. С другой стороны, полицейские, вероятно, видели много домов, которые были гораздо хуже моего. – Чем могу помочь, детективы?

На глаза Джонс попала свадебная фотография, и она останавливается, чтобы ее рассмотреть.

– Милая фотография. Это ваша свекровь?

Она указывает на Диану, стоящую слева от Олли.

– Да. Это Диана.

– Думаю, это трудное время для всех вас. Вы были очень близки со своей свекровью?

Джонс продолжает рассматривать эту фотографию и остальные вокруг нее на стене, по-видимому, не интересуясь ответом.

– Все очень сложно.

– Всегда ведь так, верно? – Джонс улыбается. – Мать моего бывшего была та еще штучка. Я едва могла находиться в одной комнате с жалкой старой коровой. В конце концов это прикончило мой брак. А как насчет вас? Насколько для вас было сложно?

– Ну не знаю. Просто... сложно.

Джонс и Ахмед продвигаются по коридору, останавливаясь, чтобы посмотреть на развешанные по стенам фотографии. Джонс, насколько я могу судить, является в этом тандеме старшей по чину – невзирая на то что младше Ахмеда и вообще женщина. Невзирая на одолевающие меня более насущные мысли, я ловлю себя на том, что феминистка во мне ей рукоплещет.

– Вы много времени проводили вместе? Как семья? – продолжает Джонс. – Дни рождения, Рождество и тому подобное?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.